

Семинар

«Историческая текстология русского языка»

«Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были»: некоторые особенности языка и текстологии «печатной редакции» русских стихотворных фаций XVIII века

А. В. Архангельская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

arhanna@mail.ru

Русская литература XVIII века, стихотворные фации, текстология

Summary. The paper is devoted to the features of language and the history of the text of the printed version of Russian rhymed facetiae (the end of the XVIII century) in comparison with earlier handwritten versions.

«Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были» — сборник конца XVIII века, выдержавший большое количество переизданий на рубеже XVIII–XIX вв., куда вошли 19 стихотворных фаций (так называемых «забавных жарт»). Наиболее ранние экземпляры сборника датируются 1790 годом (издан в Санкт-Петербурге, имеется в РГБ, БАН, РНБ и ГПИБ) и 1792 годом (издан в Москве, в настоящее время известен в единственном экземпляре, который хранится в Отделе редких книг БАН). Кроме того, в Библиотеке Академии наук есть еще одно издание, без указания места и года на титульном листе, с вариативным подзаголовком («Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были и польские диковины»). Хранителями ОРК БАН оно условно датируется 1789 годом. В «Сводном каталоге русской книги гражданской печати XVIII века: 1725–1800» значатся только два первых издания, а вот в дополнениях к нему фигурируют также: 1) Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были и польские диковины. Б. м. и б. г. 81 с. 12⁰. БАН; и 2) Старичок-весельчак, рассказывающий давние московские были и польские диковины. СПб., 1789. 70 с. 8⁰ (перечень разыскиваемых изданий). Таким образом, это два разных издания: издание 1789 года — 70 с. 8⁰ и его местоположение нам до сих пор неизвестно; издание Б. м. и б. г. — 81 с. 12⁰ хранится в БАН, но однозначно датироваться тоже 1789 годом не может.

В сборниках Б. м. и б. г. и 1790 г. набор текстов абсолютно идентичен. В издании 1792 г. вслед за ними идут еще несколько текстов более позднего времени, написанные силлабо-тоническими стихами и не входящие в основной корпус фациальной литературы: «Пьяной в гостях», «Обманутый скупой», «Соседний домовой», «Испуганный мужик», «Водяной демон». О том, что эта группа стихотворений воспринималась как нечто отдельное от основного содержания сборника, может косвенно свидетельствовать наличие перед третьим из них («Соседний домовой») римской цифры III; в целом в сборнике тексты не нумеруются.

Разночтения между тремя изданиями, как правило, касаются слитного или раздельного написания слов с предлогами, отрицательными частицами и др., употребления строчных или прописных букв и т. п. В некоторых случаях различия затрагивают падежные окончания. Например, в изданиях Б. м. и б. г. и 1790 г. последовательно употребляется «грамотѣ» («грамотѣ знают», «грамотѣ знаешь», «грамотѣ не знаю» и «не учась грамотѣ»); в издании 1792 г. — «грамоту» («грамоту знают», «грамоту знаешь», «грамоту не знаю, но и «не учась грамоту»). Возможен вариативный порядок слов: «радостно на нос» или «на нос радостно»; «шел дорогою» или «дорогою шел»; «лихо очень спѣсивъ» или «лихо спѣсивъ очень»; «как о том мужу» или «как мужу о том»; «его вмѣстѣ» или «вмѣстѣ его»; «на стол велю» или «велю на стол»; «со двора корову» или «корову со двора»; «теперь будеть моя кончина» или «будеть мнѣ теперь кончина» и др. Встречается вариативное употребление отдельных лексем, например, в изданиях Б. м. и б. г. и 1790 г. стабильно фигурирует «ребенок», «сумнѣние», в изд. 1792 г. возможны как «ребенок» так и «ребенок» (причем второе частотнее), «сомнѣне» / «сомнѣне».

Наконец, встречаются и разночтения, связанные с употреблением различных лексем, синонимов, пропуском или вставкой отдельных слов и т. д. Так, в «банном» эпизоде

фации «О Лукавой жене и о Прикашике» в изд. Б. м. и б. г. и 1790 г. говорится, что жена облила старого мужа «тазомъ студеной воды», а в изд. 1792 г. вместо этого читается «то холодною водою». Известны случаи, когда во всех трех изданиях есть варианты: «оглоблей я попал» / «оглоблей попал» / «оглоблею попал» (фация «О гордом дворецком»); «тѣм же явно» / «тѣм же обманом» / «тѣм обманом» (фация «О непостоянной девице») и др.

Иногда в текстах явно отражаются общие процессы, происходящие в языке того времени: в фации «О крестьянине и жене» в изд. Б. м. и б. г. и 1790 г. в финальной части читаем: «Дворянинъ ему болѣе не говорил, понеже он его правѣе разсудил»; в изд. 1792 г. вместо «понеже он» читается «потому»; в фации «О воре» в изд. Б. м. и б. г. и 1790 г. читается «человѣкъ в человѣка приходит», а в изд. 1792 г. — «человѣкъ на человѣка походит». С другой стороны, возможны, кажется, и обратные явления, когда в изд. 1792 года употреблена более архаичная форма; так, например, в той же фации «О воре» в изд. Б. м. и б. г. употреблено «Вор очень его за то благодарил», а в изд. 1790 и 1792 г. вместо «очень» читается «зѣло».

Иногда очевидно, что разночтения возникают в результате ошибок (пропуск текста). Так, в новелле «О неверной жене» фрагмент якобы оправдания свыше неверной жены и раскаяния мужа, обвинявшего жену в измене, читается так: «Ты думал, по злему совѣту, / Яко бы у меня уж и зубов нѣту, / Но вот стою теперь пред тобою, / И зубы всѣ со мною. / И слезно просилъ, чтобъ даровала ему прощенье. / Обѣщался впрядь никакого зла ей не творить...». Совершенно очевидно, что перед двумя последними процитированными строками отсутствует фрагмент, в котором содержится переход от речи жены к описанию смятения мужа. Этот недостаток восполняется в изданиях 1790 и 1792 гг., где этот фрагмент выглядит следующим образом: «Но вот стою теперь пред тобою, / И зубы всѣ со мною. / Муж въ сумнѣнии стал / И того ж часу ей в ноги пал, / Признал свое пред нею погрѣшенье / И слезно просил, чтоб даровала ему прощенье. / Обѣщался впрядь никакого зла ей не творить...»

Возможны случаи перестановки местами строчек. При этом тоже, как правило, в изд. 1790 и 1792 гг. обнаруживается более правильный порядок. Так, в новелле «О лукавой Жене и о Прикашике» о любовной связи приказчика с купеческой женой в изд. Б. м. и б. г. сказано: «И веселился всячески, сколько обим было угодно, / С того времени жил прикашик с нею любовно», а в изд. 1790 и 1792 гг. эти строчки переставлены местами, что, конечно, в гораздо большей степени отражает логику и последовательность развития событий.

В изд. 1792 г. иногда можно наблюдать более развернутые фразы. Так, в фации «О шуте и о купце» вместо фразы «Я обманы давно знаю», соответствующей этому эпизоду в рукописном варианте, читается «Я в обманѣ давно толк знаю».

В целом можно сказать, что примерно тот же в плане типологии набор разночтений встречается и при анализе рукописных текстов фаций. Вполне возможно, что после проведения более глубокого собственно лингвистического анализа разночтений можно будет еще раз вернуться к вопросу о датировке издания Б. г. и б. м. (по крайней мере, относительно изданий 1790 и 1792 гг.).

Сохранение «непонятных» слов в древнерусской рукописной традиции на примере «многосложного свитка»

Д. Е. Афиногенов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
logotheta@mail.ru

Византия, Древняя Русь, церковнославянские переводы, рукописная традиция, Многосложный свиток

Summary. The manuscript tradition of the Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus in Church Slavonic translation made in 9th–10th c. Bulgaria (known in Russia as «Mnogoslozhnyj svitok», corresponding to the Greek «Polystichos tomos») is represented by codices no older than the end of the 15th c. However, the Russian copyists have faithfully preserved several words, which they obviously did not understand, in such a manner that their Greek prototype can still be easily identified.

Отождествление сочинения, имевшего широкое хождение на Руси в XV–XVII в. под названием «Многосложный свиток», и использовавшего, в частности, такими публицистами как преп. Иосиф Волоцкий и Зиновий Отенский в борьбе против московско-новгородской ереси (т. н. «жидовствующих»), с Посланием трех восточных патриархов императору Феофилу от апреля 836 г., остро поставило вопрос о степени сохранности тех частей текста, которые не дошли до нас погречески. Судя по употреблению архаичных слов протоболгарского (тюркского) происхождения, таких как «кръгчи харинь» в значении греч. *banausos* («черный ремесленник») и др., перевод был выполнен в Болгарии в IX или начале X в., так что от древнейшей русской рукописи (у южных славян этот памятник не сохранился) конца XV в., РНБ, Кирилло-Белозерское собр., 53 / 1130, его отделяют по меньшей мере 5 столетий. Между тем, русские списки содержат несколько слов, значение которых со всей очевидностью не было понятно переписчикам. Верность их воспроизведения в рукописной традиции, на мой взгляд, является очень важным показателем надежности этой последней и ее пригодности для реконструкции утраченного греческого оригинала. Рассмотрим два примера.

1а. Гл. 57–58 (главы указаны по подготовленному мною критическому изданию):

Откуда злое и огнедушное воздыхание кипит? 58. От разумнаго уркана злаго диавола.

В некоторых рукописях вместо *уркана злаго* стоит *на зло*, но даже печатные издания удерживают *lectio difficilior*.

1б. Гл. 69:

...зловверное воздыхание от разумнаго уркана, сиречь велиара.

Та же группа рукописей, что и в первом случае, опускает слова *уркана, сиречь*.

В греческом тексте есть соответствие только для одного из этих мест, причем употребленное там слово *bourkanos* не встречается больше ни в одном из произведений, вошедших в *Thesaurus Linguae Graecae*. Между тем ясно, что это не что иное как заимствованное из латинского слово *vulcanus*. Как

видим, славянские переписчики сохранили неизвестное им слово с минимальным искажением.

2а. Гл. 65:

...яко истиньский иже въ Сикилии огонь онъ (разночтения: *истинский, истиньский*: в некоторых списках и в печатных изданиях опущено).

2б. Гл. 69:

...нестъчьньскыи огонь онъ иже въ Сикелеи възъже (разночтения: *неистичьский, в изданиях заменено на несуй*).

Здесь греческого прототипа вообще нет, что отнюдь не мешает восстановить исходное *hephaistiaion pur*, т. е. «вулканический огонь».

Таким образом, как минимум в двух случаях по крайней мере часть русских переписчиков, несмотря на естественное искушение заменить непонятное чтение на что-либо более осмысленное, сохранили непереусленные (транслитерированные) греческие слова в таком виде, что реконструкция их не представляет существенных затруднений. Это обстоятельство заставляет с тем большим уважением относиться к отечественной рукописной традиции, даже представленной сравнительно поздними списками и старопечатными изданиями.

Издания греческого текста: [4], [5]. Издания славянского текста: [1], [2] (везде славянская нумерация). См. также [3].

Литература

1. Книга слова избранныя святыхъ отецъ о поклонении и о чести святыхъ иконъ. М., 1642. Л. 156–231.
2. Соборникъ. М., 1648, Л. 360^{об}–392.
3. *Afinogenov D.* The new edition of «The Letter of the Three Patriarchs»: problems and achievements // *Symmeikta*. 16. 2003–2004. P. 9–33.
4. *Gauer H.* Texte zum byzantinischen Bilderstreit. Der Synodalbrief der drei Patriarchen des Ostens von 836 und seine Verwandlung in sieben Jahrhunderten, Frankfurt am Main, 1994.
5. The Letter of the Three Patriarchs to Emperor Theophilus and Related Texts / Edited by J. A. Munitiz, J. Chrysostomides, E. Harvalia-Crook, Ch. Dendrinos. Camberley, 1997.

Проблема авторства скорописных деловых текстов г. Тобольска XVIII века

М. С. Выхрыстюк

Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Тобольская государственная социально-педагогическая академия имени Д. И. Менделеева»
margaritavv@mail.ru

Скоропись, тексты делопроизводства XVIII века, становление норм русского языка

Summary. Skoropisnye texts of office-work of Tobolsk of XVIII century are not deprived the author's beginning. The copyist not only copies features of a drawing and spelling of that time, but also introduces features to the document, showing the training. In this connection the problem of authorship of business text XVIII centuries, demands the further consideration concerning the texts stored in regional archives.

Историю русского литературного языка XVIII в. трудно признать окончательно разработанной до тех пор, пока остается неисследованным огромный массив текстов, хранящихся в региональных архивах России. Тобольск в XVIII в. был крупным промышленным, торговым, культурно-просветительным и духовным центром Сибири.

Проблема авторства делового текста XVIII в., активно разрабатываемая в работах по истории русского литературного языка В. Я. Дерягиным (1985), А. В. Вольнской (1992), Т. В. Кортовой (2003), И. Ю. Юрицыной (2000), О. В. Никитиной (2000), требует дальнейшего рассмотрения.

Для решения вопроса о том, в какой мере писцы деловых текстов XVIII в. владели текстовыми нормами, необходимо рассмотреть вопрос об уровне грамотности на Руси в XVIII в.

На этот вопрос лингвисты не дают однозначных ответов. И. Преображенский считал: «Невежество было уделом всех слоев тогдашнего общества» [8: 34]. А. И. Соболевский же, напротив, утверждал, что в Северо-Восточной Руси XV–XVII вв. грамотность была вполне обычным явлением [9: 27]. Современные исследователи также опровергают мнение о низком уровне грамотности на Руси XVI–XVII вв., доказывая, что в крупных городах доля грамотного населения была велика. Общая характеристика составителей и исполнителей русских документов допетровской эпохи дана А. Н. Качалкиным [3: 32–59].

Поддерживая Л. Ф. Копосова, выделяем три группы писцов: профессионалы — люди, непосредственно занимающиеся составлением деловых текстов (служащие канцеля-

рий, монастырские дьячки, площадные подьячие); **полупрофессионалы** — люди, род занятий которых требовал грамотности (дьячки, старосты, таможенные и кабацкие головы); **непрофессионалы** — люди разных социальных слоев, достаточно грамотные и имеющие представление о составлении деловых бумаг [5: 8–9].

К началу XVII в. не только окончательно определились нормы и структура московского приказного языка, но и стало очевидным фактом его широчайшее распространение на всей территории Московской Руси, включая отдаленные сибирские окраины [11: 140]. Добавим, что в течение XVII в. вышло около 40 изданий букварей и книг («пописей»), в делопроизводстве были распространены рукописные учебные пособия [4: 12]. Однако на Руси не было специальных школ, где бы готовили писцов (дьяков, подьячих и т. д.). «Этикет» писца был ориентирован на предшествующий опыт. Секреты делового письма передавались от писца к писцу. Кроме того, в некоторых азбуках — «пописях», доступных широким слоям населения, содержались образцы документов, соответствующие сложившимся текстовым нормам (образцы челобитных, памяти пристава и т. п.). Обучались письму по таким азбукам-пописям не только писцы-профессионалы, но и писцы-полупрофессионалы и непрофессионалы, усваивавшие формы составления документа. Системой деловой речи в XVIII вв. овладевали широкие слои общества, однако создателями документов являлись только писцы. Делопроизводство г. Тобольска этого периода велось грамотными людьми. В городе в то время, видимо, достаточно было писцов, владевших нормами делового языка. Авторы старательно выводили свою подпись.

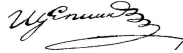

Рис. 1. Ксерокопия личной подписи канцеляриста И. Щепкина

В одних жанрах (прошениях и доношениях крестьян, записках, наставлениях) находит отражение живая речь заказчиков: крестьян, посадских людей. В других жанрах (указах Сената и Синода, переписных, писцовых книгах) живая разговорная речь появляется спорадически и зависела от степени выучки писца, знания им норм делового письма того времени. Бесспорно, что составитель текстов обязательно и во всем стремился следовать образцу, правилу, традиции, при этом им учитывался жанр документа. Канцелярия г. Тобольска располагает многообразием росписей писцов, которые чередовались в различных документах. Все деловые тексты различных ведомств г. Тобольска имеют авторов. Обычно это был специально обученный писец: канцелярист в должности секретаря, подканцелярист, приказной надзиратель и др.

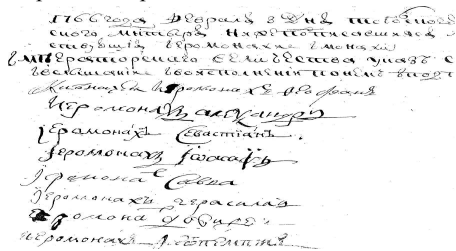

Рис. 2. Ксерокопии личных подписей казначеев иеромонахов Тобольского мужского Знаменского монастыря (Фонд № И 70)

Тексты частного характера или переписанные источники могли не иметь подписи. Так, среди исследованных источников не имеют авторства документы финансово-налоговых

и статистических учреждений. Не имеют авторства многочисленные документы следующих жанров: 1. Фонд № И 475. Книги денежных доходов винокуренного завода, книги для записи расхода вина и бочек (документы находятся в фонде винного пристава при Екатерининском винокуренном заводе), 1793–1800 гг. (9 ед. хр., 220 листов); 2. Фонд № И 156. Метрические книги, ревизские сказки, реестры о монашествовавших и т. д. (документы находятся в фонде Тобольской духовной консистории), 1721–1800 гг. (193 ед. хр., 2666 листов); 3. Фонд № И–329. Книги для записи купчих и закладных на продажу дворов и дворовых людей, главная книга сметных расходов Тобольского губернского правления и др. (документы находятся в фонде Тобольского губернского правления), 1788–1800 гг. (44 ед. хр., 2638 листов); 4. Памятники XVIII в., отражающие донаучные знания человека о мире (астрономические, ботанические, географические, исторические, медицинские, фармацевтические и др.): «О народах Сибири», «Запись астрономических явлений, произошедших в небе над городом Тобольском», «Травник XVIII века», «Врачебные наставления», «Ботанический словарь или травник», ч. I, 1781 г., «Ботанический словарь или травник», ч. II, 1781 г., «Рассуждение о языке» (XVIII в.).

Названные тексты отнюдь не лишены авторского начала и стилистических погрешностей. Переписчик не только копирует, перенося на бумагу особенности графики и орфографии того времени, но и привносит характерные особенности, демонстрируя свою выучку. Дата в скорописных текстах делопроизводства г. Тобольска — обязательна: Она ставилась в начале или в конце документа. Таковы указы, репорты, прошения, доношения и др. Недатированными являются переписанные с рукописи «Рассуждение о языке», «Травник XVIII в.», «Врачебные наставления». В подобных случаях время написания текста определяем по совокупности археографических и лингвистических признаков.

Литература

1. *Вольнская А. В.* Хозяйственные книги северорусских монастырей XI–XVII вв. как лингвистический источник: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1992.
2. *Дерягин В. Я.* Варьирование в формулах русской деловой речи XV–XVII вв. // Восточные славяне. Языки. История. Культура: К 85-летию академика В. И. Борковского. М., 1985.
3. *Качалкин А. Н.* Жанры русского документа допетровской эпохи. Часть II. М., 1988.
4. *Копосов Л. Ф.* Изучение истории русского языка по памятникам деловой письменности. М., 1991.
5. *Копосов Л. Ф.* Севернорусская деловая письменность XVII–XVIII вв. (орфография, фонетика, морфология). М., 2000.
6. *Кортвава Т. В.* Языковая личность и лингвистическая компетенция дьяка Третьяка Васильева. 1998. С. 86–96.
7. *Никитин О. В.* Проблемы этнолингвистического изучения памятников деловой письменности: Монография. М., 2000.
8. *Преображенский И.* Нравственное состояние русского общества в XV в. М., 1981.
9. *Собольский А. И.* Лекции по истории русского языка / Предисл. В. К. Журавлева, И. В. Журавлёва. 5-е изд., стер. М., 2005.
10. *Судаков Г. В.* Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. Критерии выделения и особенности организации лексических групп. М., 1991.
11. *Черных П. Я.* Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. М., 1956.
12. *Юрицына И. Ю.* Статейные списки в системе письменности русского литературного языка конца XVI — начала XVIII века (историко-лингвистический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Алматы, 2000.

Текстовые категории делового эпистолярного письма конца XVIII — начала XIX в.

Н. В. Глухих

ГОУ ВПО «Челябинский государственный педагогический университет»

gluhihnv@yandex.ru

Деловой эпистолярный текст, текстовая категория, типологический признак, антропоцентричность

Summary. A business epistolary text of the late 18th — early 19th century is a speech product, which is characterized by a semantic, compositional and communicative unity. This is the result of the interaction of its text categories, i. e. mutually correlated typological characteristics, the most significant of which are: informativity, dialogic value, time and space categories, textual modality, coherence and cohesion.

Деловой эпистолярный текст конца XVIII — начала XIX века существует как эпистолярная форма речевого произведе-

ния — письменного монологического текста. Объект данного исследования — скорописные деловые эпистолярные тексты конца

XVIII — начала XIX века, извлеченные из заводских фондов Объединенного государственного архива Челябинской области.

Деловому эпистолярию свойственно семантическое, композиционное и коммуникативное единство, что является результатом взаимодействия его **текстовых категорий**. Текстовая категория понимается как «один из взаимосвязанных существенных признаков текста, представляющий собой отражение определенной части общетекстового смысла различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (компаративными) средствами» [2: 535]; каждая текстовая категория «воплощает в себе отдельную смысловую линию текста, выраженную группой языковых средств, особым образом организованной в относительную внутри-текстовую целостность. Совокупность текстовых категорий, дополняющих друг друга и переплетающихся между собой, создают текст в качестве коммуникативной системы» [2: 534]. Понятие «текстовая категория», в отличие от других категориальных понятий функциональной стилистики, предполагает анализ не только лексико-грамматических текстообразующих средств, но и экстралингвистических, социолингвистических факторов.

Эпистолярный текст имеет ряд особенностей, отражающихся в номенклатуре категорий и средствах их выражения, взаимодействии категориальных смыслов на протяжении текста. Деловой эпистолярный текст с этой позиции не анализировался, поэтому формулируем основной принцип представления текстовых категорий при анализе делового эпистолярия конца XVIII — начала XIX в. следующим образом: отражение специфики данных текстов как единиц деловой коммуникации, выделение таких категорий, которые определяют тип текста и в то же время без которых данный текст невозможно было бы квалифицировать как вышеназванный.

Поскольку переписка является формой коммуникации, служащей различным целям (информирование и обмен информацией, дистантное руководство, координация действий коммуникантов, обеспечение выполнения предписаний и распоряжений различными способами волеизъявления), выделяем следующие наиболее значимые категории: **информативности, диалогичности, времени и пространства, текстового хронотопа, текстовой модальности**, а также необходимые для существования и понимания текстов категории **цельности и связности**.

Коммуникативные смыслы реализуются на уровне высказывания, в структуре, оформлении и содержании текста делового эпистолярия. Общая информационная направленность эпистолярного общения актуализируется в номенклатуре речевых жанров, пронизывающей все блоки письма.

Эпистолярная коммуникация была бы невозможна без взаимодействия коммуникантов, что осуществляется посредством реализации в текстах категории диалогичности,

предполагающей систему специальных средств презентации коммуникантов и выражения их мнения.

Текстовое время реально и линейно. Объективность, точность, предельная конкретизация, отражение региональных факторов, наличие специальных языковых маркеров на разных уровнях языковой системы — основные характеристики категории текстового времени в деловом эпистолярии.

Реальность, точность, конкретность, региональная привязанность являются также принципами выражения категории текстового пространства. Особенно ярко проявляются региональные компоненты при использовании номинативных единиц. Локальность как пространство данного речевого произведения отражается в структуре текста и его организации. Маркеры локальности присутствуют во всех блоках письма. Формуляр и содержание эпистолярия, будучи связанными со своей эпохой, создают реально-исторический характер текстового пространства.

Органическое сосуществование и взаимодействие времени и пространства находит выражение в категории текстового хронотопа. Хронотоп исследуемого делового эпистолярия характеризуется прежде всего антропоцентричностью, исторической конкретностью, что отражается в специфике употребления языковых единиц и присутствии в текстах маркеров точки отсчета.

Прагматическая направленность текстов делового эпистолярия определяет широкий круг межтекстовых и внутри-текстовых связей, при наличии такой характеристики отдельного письма, как цельность текста. Этот признак специфичен именно для эпистолярной формы текста и отсутствует во многих других речевых произведениях.

Антропоцентричность в сочетании с коммуникативными задачами делового общения создают особую тональность (текстовую модальность) делового эпистолярного текста эпохи становления литературного языка. В отличие от современных требований к деловой переписке, данные тексты обладают значительным эмоциональным потенциалом, разнообразием оценочных оттенков в сочетании с традиционной для делового языка волевой установкой.

Категории исследуемых текстов — это признаки, свойственные всем текстам данного пласта делового языка исследуемого периода, то есть их *типологические* признаки, взаимообусловленные и взаимозависимые, обеспечивающие адекватное понимание такого текста.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Категория // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 45–47.
2. Матвеева Т. В. Текстовая категория // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006. С. 533–536.
3. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М. Н. Кожинной. М., 2006.

Следственные дела Тюменского уезда 1782–1796 гг.: источниковедческий и текстологический анализ

О. И. Голованова

ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

golovanova.o@list.ru

Лингвистическое источниковедение, источник, жанр, текст, сверхтекст

Summary. The report deals with the investigative cases of Tyumen district in the aspect of historical and textual analysis.

Тюменская деловая письменность представляет собой практически единственную форму закрепления на материальном носителе и отражения состояния русского языка XVIII в. в Тюменском уезде, следовательно, обращение к архивным документам представляет сегодня единственно возможный путь изучения состояния, эволюции и специфики отдельных функционально-стилевых, жанровых и текстовых образований региональной деловой речи, рассматриваемой в качестве одной из форм бытования общенационального языка.

В анализируемых нами 15 следственных делах Тюменского нижнего земского суда представлено 15 жанров, что составляет 130 текстов документов, выполненных на 420 страницах скорописного текста. Большая часть из них не

имеет самоназвания в виде отдельного реквизита «название» в начальном блоке, однако в текстовой (прагматической) части основного блока или в удостоверяющей скрепе в заключительном блоке содержатся соответствующие отглагольные существительные.

Проведенный анализ показал, что исследование текстов следственных дел сопряжено со следующими объективными трудностями: 1) со сложностью разграничения в них границ отдельных документов (допросы, очные ставки); 2) с присутствием в тексте одного жанра документа другого жанра (освидетельствование в структуре инициативного рапорта); 3) с замещением функций одного жанра другим (рапорт — экстракт; сообщение, построенное по формуляру допроса);

4) с несоответствием традиционного формуляра документа и его содержательной части, что является отражением процесса становления русской документной системы (челобитная по форме — объявление по содержанию).

Следственные дела (тематические комплексы) представляют сложную систему документов разных жанров и разновидностей, различных по источнику возникновения, степени подготовки, ведомственной принадлежности, коммуникативной заданности, специфической текстовой модальности, с характерным типом взаимоотношений адресата — адресанта и формальной организацией текста, реализующую одну из моделей сверхтекста.

Документы каждого жанра имеют свою индивидуальную структуру с определенным формуляром, реализующимися в нем языковыми формулами. Анализ показывает присутствие документов, жанры которых имеют «жесткую» формализованную структуру и фиксированный лексический состав (например, рапорт), и жанры с «подвижной» структурой (например, освидетельствование, очная ставка).

Специальные документы, применявшиеся в следственной практике ТНЗС в исследуемый период, — это допросы, повальные обыски, очные ставки, освидетельствования. Эти разновидности документов, несмотря на их длительную историю (ср. «пытошные», «расспросные» речи), «отстают» (в аспекте их формализации) от других делопроизводственных материалов и во второй половине XVIII в. еще находятся в процессе жанрообразования.

Несомненно, что основная «тяжесть» в формировании жанра так такового ложилась на присутственные места. Однако в качестве главного «двигателя» в становлении документов следственных дел называем государство. Административные приемы, выразившиеся в узаконивании употребления или в отмене функционирования документов того или иного жанра, являются главными причинами «жизни» или «смерти» документа. Это позволяет обосновать предположение о том, что выделение самоназвания в отдельный реквизит зависит не столько от «строгой» или «нестрогой» структуры документа, сколько от надзора «сверху». Через документы государство «просматривало» степень дееспособности и вассальной зависимости того или иного учреждения от центра. «Промежуточные» документы, в частности допросы, очные ставки, повальные обыски, несмотря на свою длительную традицию (XVI–XVII вв.), в XVIII в. по-прежнему «отшлифовывались» в недрах канцелярий и существовали без самоназвания, так как были «проходными»; а для отчетности на их основе создавались другие документы, с выраженным самоназванием (рапорты, экстракты и др.).

Документы группы «следственных» жанров выполнены в соответствии с содержанием волеизъявляющих документов (копий с журналов) на основании инициативных документов (рапортов, объявлений).

К жанрам общей документации относятся рапорты, сообщения, объявления, объяснения, справки, расписки, копии с журнала, клятвы и т. д. Документы этих жанров не являются специфически юридическими, но вводятся в следственную документацию в качестве необходимых для отчета, уточнения, запроса недостающей информации и т. д. Их наличие в следственных делах зависит от экстралингвистической ситуации. Авторы документов выстраивают их, реализуя разные речевые тактики и стратегии, используя волонтивный, информативный и реактивный регистры.

Следственное дело как сверхтекст представляет собой хронологическую последовательность текстов, в которой «лингвистическим ядром» выступает копия с журнала, порождающая новые единицы сверхтекста и объединяющая их, а коммуникативной целью — формирование итогового рапорта, направляемого в вышестоящую инстанцию.

Рассматривая следственное дело как сверхтекст, обращаем внимание на факторы, которые обуславливают его цельность и связность. Это специально организованная экстралингвистическая ситуация следствия, предполагающая тематическое единство единиц сверхтекста (документов разной жанровой природы); ограничение временных и пространственных характеристик, особенности которых формируют специфику хронотопа каждого следственного дела как реализации модели сверхтекста; обязательная смена коммуникативных регистров и авторских речевых стратегий. Общим для следственных дел является единое информационное пространство — Тюменский уезд, включающее волости и сопредельные территории. Формируют и реализуют стратегию создания сверхтекстов Тюменский нижний земский суд, а также подвластные ему структурные образования — волостные суды. Среди анализируемых следственных дел выделяются открытые сверхтексты (незавершенные, в силу «тупиковой» ситуации или технической небрежности составителей); закрытые сверхтексты; относительно закрытые сверхтексты (позволяющие при условии обнаружения дополнительных сведений проводить дальнейшее расследование).

Таким образом, исследуемые следственные дела Тюменского уезда 1782–1796 гг. следует рассматривать как источники для изучения российской государственности, культуры и паспортизованной в функциональном, жанровом и локально-временном отношении — истории русского языка.

Проблема выявления первичных чтений в Житии Стефана Пермского

А. В. Духанина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

sakhara@yandex.ru

История русского литературного языка, текстология, разночтения

Summary. The original of the Stephan Permsky's Life — the copy written by Epiphany Premudry himself has not remained: the Life is studied on later copies which contain a lot of variant readings. The correct linguistic analysis of the Life is impossible without finding out initial readings. This problem could be solved by using different methods in accordance with a case.

Житие Стефана Пермского (ЖСП), как и другие сочинения Епифания Премудрого, известно нам в более поздних списках — авторский оригинал не сохранился. В случае с ЖСП речь идет о временном интервале в несколько десятков лет между созданием произведения и самых ранних его списков: по последним данным, Житие было написано между 1406 и 1410 годами ([1: 90], [2: 116]), а древнейшие его списки датируются 1470-ми (СПб ИИ РАН. Лих. 161) и 1480 годами (РНБ. Вяз. Q. 10).

Анализ 14 списков ЖСП конца XV — XVII века показал, что каждый из них характеризуется значительным количеством разночтений в сравнении с другими. При этом нет никаких свидетельств, что какой-либо список ЖСП ближе остальных к епифаниевскому оригиналу. Таким образом, вовсе не очевидно, что то или иное чтение того или иного списка (даже самого раннего из дошедших до нас) является епифаниевским чтением, а не представляет собой результат переосмысления, искажения или редактирования текста его позднейшим переписчиком.

Отсюда возникает проблема выявления среди ряда вариантов чтений, отмеченных в нескольких списках ЖСП, первичного, принадлежащего перу самого Епифания Премудрого. Исследование языка ЖСП невозможно без решения этой проблемы, ведь предметом изучения является именно язык Жития, а не какого-то его списка.

В целом ряде случаев решение лежит на поверхности: так, например, можно сразу исключить из рассмотрения чтения, отмеченные только в одном из всех исследованных списков, относя их на счет писца этого списка. Однако в каждом списке помимо таких чтений есть и чтения, общие для двух и более списков и противопоставляющие их всем остальным. Как показывают наблюдения, можно говорить о некоем устойчивом наборе разночтений, которым одна группа списков отличается от другой. Сюда относятся: отсутствие / наличие слова или целой фразы, использование разных слов или форм одного слова, а также разный порядок слов. На данный момент представляется возможным распределить списки по трем группам, или подвидам: ос-

новному (СПб ИИ РАН. Лих. 161, Лих. 160; РНБ. Вяз. Q. 10, Пог. 862, Буг. 345, Соф. 1356; ГИМ. Увар. 46, Син. 420), *первичному* (РНБ. Пог. 648, Сол. 512 / 531) и *синодальному* (ГИМ. Син. 91, Син. 993, Чуд. 313; РГБ. МДА. 93).

Для того чтобы определить, какой из подвидов наиболее близок к первичному тексту ЖСП, необходим детальный анализ разночтений, характерных для каждого подвида. Здесь важен вид разночтения. Например, в большинстве случаев отсутствие фразы между двумя одинаковыми словами в одном из подвигов является ее утратой, ср.: ты твориши тако стѣѡа^н чарова^н ем тѡ повѣди^н. еже не вѣди то^н и не астиса^н съѣтными мира || сего. сего во и не оумилъ ѣ [ѣнѣ. но стѣѡа^н измла^н оуми^н естъ] стѣѡа книги. могоуцаа его оумилити. и како оумодити вѣ (Вяз. Q. 10. Л. 166 об. — 167) — слова в квадратных скобках отсутствуют в списках синодального подвида, но есть в списках основного и первичного подвигов; анрѣи же братъ петровъ... и аще в рѣскон земли былъ. повѣдаютъ его рѣскою. днѣпро^н ѡ мора пришеша. и по кѣвомъ стѡпавша. а града кнева тога еще не было. но точю бахъ поусты горы [кнѣвския. но и на горы] тѣ в шѣшюу емѣ. и мѡтвѣ сотво^н. и крѣтъ постави (Сол. 512 / 531. Л. 345) — слова в квадратных скобках отсутствуют в списках основного и синодального подвигов и отмечены только в списках первичного подвида. Маловероятно, что такие чтения могли быть добавлены в текст ЖСП при переписывании. Меньше всего подобных утрат в списках первичного подвида (отсюда его название), далее следует основной, а затем синодальный, выделившийся из основного.

Поскольку в синодальном подвиде имеются также случаи порчи текста (ср. во всех 4 списках синодального подвида: а сего единаго не оумѣю. еже оуммѡлѡвливати вгнь и водоу. или превидаѣв шѡ оубытка своего сего не навыхоу^н (Син. 91. Л. 711) — в остальных списках: а сего единаго не оумѣю. еже оуммѡлѡвливати огнь и водоу или превидаѣти п. оубытка свое^н сего не навыхо^н (Вяз. Q. 10. Л. 166 об.) и др.), можно с уверенностью сказать, что именно этот подвид наиболее «далек» от епифаниевского текста. Это позволяет полагать, что во всех спорных случаях чтение синодального подвида, отличное от чтения первичного и основного подвигов, не является епифаниевским, ср. синодальный подвид: такв^н апль павель к' тимоѡею посылаше гла (Син. 91. Л. 657 об.) — первичный и основной подвиды (= первичное чтение)

ние) павель апль. Интересно, что список ЖСП в составе Великих Миней Четких относится к синодальному подвиду.

В некоторых случаях для определения первичного чтения требуются дополнительные сведения, например исторические, ср. в первичном подвиде: и тако за многою его добродѣтель поставле^н высть въ дѡконы. ѡ арсенія епископа ростовьскаго (Сол. 512 / 531. Л. 342) — в других списках: и тако за мноюю его ^{авро}дѣтель поставле^н высть въ дѡконы. ѡ арсенія кнѡа, и епѡа ростов'скаго (Син. 91. Л. 658); известно, что епископ Ростовский Арсений принадлежал к княжескому роду (в миру — князь Семен Луговской-Грива, см. [3: 421]), трудно предполагать, что такая историческая подробность отсутствовала у Епифания, его современника, и была добавлена спустя век каким-то писцом, следовательно, в данном случае списки первичного подвида содержат утрату. Этот и другие примеры измененных чтений не позволяют считать первичный подвид наиболее близким к исходному тексту ЖСП. Возможно, что в одних случаях ближе к изначальному епифаниевскому тексту Жития первичный подвид, в других — основной. Это осложняет решение рассматриваемой проблемы, если нет веских аргументов в пользу первичности одного из двух вариантных чтений, например, при разном порядке слов в первичном и основном подвиде, ср. в первичном подвиде: еди^н сѡи бы в лѣта нѡа. и сказатель нарочи^н. еди^н дидаскалъ словесъ аплѣскъ и пророческъ (Сол. 512 / 531. Л. 404) — в списках основного подвида (и синодального) нарочитъ сказатель.

Наконец, особую задачу представляет собой выявление исходного чтения среди трех и более вариантных чтений, т. е. при разночтениях даже внутри одного подвида.

Таким образом, при наличии в списках ЖСП разночтений для выявления епифаниевского чтения в каждом конкретном случае необходим индивидуальный подход с привлечением дополнительных данных.

Литература

1. Клосс Б. М. Избранные труды. Т. 1. Житие Сергия Радонежского. М., 1998.
2. Кучкин В. А. Антиклассицизм // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 3 (13). С. 112–130.
3. Титов А. А. Спасо-Яковлевский Дмитриевский монастырь в Ростове Великом // Исторический вестник. 1888. № 2. С. 421–433.

Летописный текст как источник изучения семантико-аксиологических констант средневековой культуры

И. В. Ерофеева

Казанский государственный университет
erofeeva89@mail.ru

Летописи, средневековая культура, лингвокультурный анализ, производные образования

Summary. Language Means of the Structure of the annalistic Text Research allows us to reveal Key Concepts of Culture reflected in medieval Consciousness and expressed by Means of a Language thanks to which the Notion is formulated and the coherent Picture of the World is created. The Analysis cultural Universals presented to the annalistic text allows to define the Features of the cultural Markedness of a given type of the Discourse.

Средневековое мировоззрение отражает контрасты и противоречия времени. Средневековая культура также противоречива. Ее отличает, с одной стороны, стремление к системности, отраженное в застывших формулах, диктуемых религиозной традицией, связанной с богословием и церковностью. С другой стороны, средневековая культура испытывала на себе влияние реальной действительности, отражая политические идеи и настроения своего времени. Наиболее отчетливо столкновение двух тенденций в русской культуре обнаруживается в летописях, в состав которых входят произведения самого разного содержания: религиозные сказания и жития, фольклорные предания и легенды, погодные записи исторического и военного характера, тексты договоров. Летописи в языковом отношении представляли собой звено общей «системы» средневековья. В этот исторический период стилистические особенности текста обуславливались не столько позицией автора, сколько общественно-культурной необходимостью. Элементы текстообразования оказывались в зависимости от традиционных трафаретов. С другой стороны, именно летописи испытывали существенное влияние реальной действительности, в них заключалась мощная основа развития русской нацио-

нальной культуры в целом и русского литературного языка в частности, что способствовало формированию национального сознания русского народа.

Важной частью лингвокультурного анализа летописных памятников является рассмотрение языковых средств организации текста. Особое значение при таком подходе имеет анализ ключевых концептов культуры, отраженных в средневековом сознании и выраженных посредством языка, благодаря которому формулируются понятия и создается связанная картина мира. Исследование культурных универсалий, представленных в летописном тексте, позволяет определить особенности культурной маркированности данного типа дискурса. Важным аспектом языкового анализа текста является рассмотрение семантико-аксиологических констант средневековой культуры, отраженных в древнерусском слове.

Для культурологического исследования летопись как жанровое произведение, имеющее как светские, так и церковные источники, представляет особый интерес, так как позволяет проанализировать систему значений отдельного слова, а также связанных с этими значениями концептов в разных по содержанию и стилистической окраске фрагментах. В древнерусском языке значения слов пред-

ставляли определенную иерархию, отражавшую специфику средневекового сознания и систему ценностных представлений того времени. В летописях представлен целый ряд форм, реализующих светскую или религиозную семантику в зависимости от контекста. Чаще всего богатство значений и богатство концептов этих значений характерно для слов, обозначающих общие, отвлеченные понятия.

В средневековых текстах наиболее значимое место занимал язык конфессиональной культуры, отражавший архетип языкового сознания той эпохи, которым был Бог. Если обратиться к сфере словообразовательно маркированных форм, то обнаруживаются группы производных образований, стилистическая детерминированность которых определяет разную степень возможности репрезентации религиозных значений. В формах с суффиксами отвлеченного значения *-ниѣ(е)*, *-ост(ь)*, *-ств(о)* и под., явившимися результатом интеграции более простых формантов, такая актуализация представлена чаще, чем в формах с суффиксами *-ьц(ь)*, *-ьб(а)*, нулевым словообразовательным формантом и другими аффиксами, отличавшимися меньшей частотностью употребления. Производные образования, имеющие выраженную внутреннюю форму, позволяют выявить культурно-историческую специфику языка, способы организации смыслового пространства текста, свидетельствуя о степени значимости тех или иных единиц в общей языковой системе.

В производных образованиях пересекаются культурная и словообразовательная маркированность. Культурная маркированность обуславливается значением производящей основы, ее возможной отнесенностью к сакральной сфере. Так, большинство форм с самым продуктивным в древнерусский период суффиксом отвлеченного значения *-ниѣ(е)* связано с обозначением религиозных понятий и фиксируется в летописных отрывках возвышенного содержания. Такие образования мотивируются глаголами, которые являются наименованиями действий, принятых в церковном обиходе: *свѣщение*, *исповедание*, *въздѣржаніе*, *причащение*, *покаяние* и под.

Важные для культуры средневековья понятия могут выражаться также и формами, не имеющими структурных

примет высокого стиля. Производные образования, оформленные немаркированными аффиксами, часто имеют несколько значений, представляющих разные стилистические сферы, а следовательно, характеризуются разной культурной коннотацией, ассоциативно-образным наполнением. Такие формы связаны с несколькими концептами и выражают светскую или религиозную семантику в определенных по содержанию контекстах. Например, образование нулевой суффиксации *плодъ* может реализовывать как конкретное значение, так и отвлеченное, метафорическое, что связано с общей оппозицией средневекового мировосприятия: мирское — религиозное. В тексте летописей встречаются случаи употребления слова *плодъ* как с конкретизированным значением «часть растения», так и с отвлеченно-философским значением «результат, продукт к.-л. деятельности, развития», которое актуализируется в произведениях сакрального содержания, в рассуждениях морального характера, в цитатах из церковных книг. В отрывках иносказательного плана слово *плодъ* выступает с метафорическим значением «потомство, ребенок».

Словесное окружение в контексте определяет степень культурной маркированности языковых элементов. Концепты отдельных значений слов связаны друг с другом и имеют общие и отличительные черты, определяющие их место в концептосфере древнерусского языка. Так, наиболее существенным для образования *судъ* оказывается значение, представленное в сочетании с прилагательным *божии*, которое отражается в контекстах религиозного содержания в устойчивой формуле *судъ божии*, обозначающей высшую инстанцию, осуществляющую наблюдение за деятельностью людей. Слово *судъ* может иметь отнесенность и к мирской сфере. В деловых частях памятников оно выступает с социальной семантикой «суд, разбор дела, дознание виновности».

Диакронический подход к фактам словообразования позволяет определить основные тенденции в развитии и функционировании производных форм, отражающие не только состояние языковой системы в каждый конкретный исторический период, но и ценностные ориентации составителей разных летописных сводов.

Особенности употребления символично-метафорических образов в проповедях второй половины XVII века («Ключ разумения» Иоанникия Галятковского, «Огородок Марии Богородицы» Антония Радзивиловского)

Т. И. Заборина

Новосибирский государственный университет

l_z@mail.ru

Церковнославянский язык, метафора, символ, И. Галятковский, А. Радзивиловский

Summary. The report presents the analysis of functioning peculiarities of symbolic and metaphoric figures in the south-western authors' works of the 2/2 17th century.

Материалом нашего исследования послужили: «Ключ разумения» Иоанникия Галятковского, вышедший в Киеве в 1659, 1660 гг. и «Огородок Марии Богородицы» Антония Радзивиловского», изданный в Киеве в 1676 г. (книги хранятся в отделе редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН). Оба автора — выходцы из Киево-Могилянской академии, принесли на Русь новую школьно-схоластическую проповедь.

Цель работы: рассмотреть, как изменяются традиционные ключевые символично-метафорические образы и выявить новые образы, которые уже не опирались на многовековую традицию употребления, а были плодом творчества автора.

В XVII веке Московская Русь очень нуждалась в проповедниках, в их «живом» слове, в церковной литературе. И плоды киевского богословского и ораторского творчества перенесли на русскую почву. Юго-западные проповедники принесли новую, школьно-схоластическую проповедь. Интерес к форме часто вытеснял интерес к содержанию. Составление проповеди напоминало плетение узора; в тексте сочеталось несочетаемое: Священное Писание и астрология, история и мифология, народные поверья и теология — все это, выстраиваясь в определенной, заданной автором иерархической последовательности, создавало гармоничное сочинение.

Церковнославянский язык имел богатый арсенал ключевых символично-метафорических образов, традиции употребления которых была мотивирована метатекстом — Священным Писанием, частота употребления делала их узнаваемыми и интертекстуальными (Бог — огонь, свет, туча; Богородица — купина, лествица, сад; море — мир; апостол — столп и так далее). Эти образы были многозначными, вступали в отношения синонимии, антонимии и омонимии. Но в целом их семантика не выходила за пределы традиционного содержания.

В XVII веке изменяется отношение к слову. К нему начинают относиться как к инструменту творчества; проповедь становится искусством, а сам проповедник более свободен в выборе материала. Церковнославянский язык становится открытым для проникновения разных по сфере употребления и стилистической окраске слов, образов и представлений. Нарушается сакральная целостность, консервативность церковнославянского языка. Оригинальность, непредсказуемость в трактовке символично-метафорического образа являются для проповедника определяющими. Он видит свою задачу в переосмыслении и растолковании слов-символов.

Толкованию слова уделяется особое внимание. Для проповедника важен был уже не только и не столько тайный, «духовный» смысл слова, сколько семантические характе-

ристики и художественная ценность. Из слова извлекаются все возможные смыслы, оно «обгрыбается» автором. Слово-символ обновляется, раскрываясь через сопоставление, метафорическое сравнение, в основу которого положены часто весьма несущественные, отдаленные признаки. Каждый из этих признаков может вызвать новые символические метафорические образы, связанные с исходным лишь ассоциативно. В результате образуются целые «цепочки образов». Например, во втором Слове на святого Николая (И. Галятковский) «землею» называются люди ленивые, «морем» — люди гневливые, «облаком» — люди гордые, «планетами» — люди, нестойкие в вере. Интересно, что во втором Слове на Благовещение (И. Галятковский) «облако» обозначало людей верных. Традиционное символическое значение слова «облако» — место обитания Бога; сам Бог (Мф., 17; 5), (Исх., 24, 18); Богородица.

Таким образом, традиционное символическое значение автором игнорируется. Важен эффект, внешняя сторона в ущерб духовному смыслу.

Обновление символа в тексте иногда ведет к абсолютной (полярной) смене его значения. В первом слове на Святого Николая Галятковский называет людей верных «муравьями», «хирогрилами», «пауками» и «саранчой». «Хирогрил» (греч.) — кролик (Дьяченко, с. 786), тушканчик (Библ. Э., с. 710), животное нечистое (Лев, 11;5). Названия «саранча» (Восьмая казнь египетская, (Исх., 10; 4; 15), «паук» (Ис., 59, 5) также имеют негативную семантику. Но автор, опираясь на Книгу притчей Соломоновых (Прит., 30; 24–28), сближает людей Богомысленных с этими насекомыми.

«Книга святого Августина» по данным языка и текстологии

В. В. Калугин

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Язык, памятник, список, протограф, антиграф, архетип, чтение

Summary. According to the language and textology of preserved copies of «The Book of Saint Augustine» and its parts its protograph is considered to be West Russian. It was created before the church reform of Patriarch Nikon and goes back to handwriting copy 1563–1564, that belonged to Prince Andrey Kurbskiy.

Переводная с латыни «Книга святого Августина» (далее: КСА) включает в себя «Житие Августина» Посидия Каламского и два произведения Псевдо-Августина: «О видении Христа» (*Manuale*) и «Поучения, или Молитвы» (*Meditationes*). В конце книги находится «Сказание о явлениях святому Августину» с двумя бродячими сюжетами, записанными со слов Максима Грека.

Язык перевода русский с очень небольшим количеством бытовой лексики: *сватати*, *сватъ* [Чуд-216: 22 об.], *недоузь стоуденыи* 'лихорадка', *febris* [Чуд-216: 26 об.], с редкими делопроизводственными терминами: *надбллокъ* 'часть имущества, оставляемая в наследство' [Чуд-216: 35]. Отличительной особенностью перевода является передача *redemptor* [Чуд-216: 99 об., 136, 150 об., 153] и *resuperator* [Чуд-216: 97] редким термином *искоупитель* (о Христе) при наличии традиционного *избавитель* [Чуд-216: 64 об., 67, 83 об.]. Термина *искоупитель* нет в исторических словарях русского языка XI—XVII вв. Его находим в Толковой Псалтыри епископа Брунона Гербиполенского в переводе 1535 г. Дмитрия Герасимова («искоупителю мои» — «*redemptor meus*», Пс: 18: 15), дипломата и профессионального переводчика с латыни и немецкого языка.

На знание переводчиком КСА этих языков и на его знакомство с дипломатической практикой указывает, видимо, передача латинского титула *comes* как *графъ* вместо традиционного *комитъ* (*комисъ*) или, как в двух предшествующих случаях, *вельможа* [Чуд-216: 13]. Чтение *графъ* представлено обоими списками «Жития Августина» и, следовательно, имеет общий источник [Чуд-216: 26; Рог-168: 284]. В немецком переводе жития, изданного в 1578 г. в своде Лаврентия Сурия, та же самая фраза «*comes quondam Bonifacius*» передана как «*Danin Grave Bonifacius*».

Список КСА был изготовлен для князя Андрея Курбского, вероятно, в 1563—64 гг. с рукописи старца Псково-Печерского монастыря Вассиана Муромца. Рукопись Курбского осталась в Юрьеве (Тарту) после его бегства в Литву в 1564 г. В послании в Россию литовский князь А. И. Полубенский указал со слов Курбского среди статей юрьевского

Оригинальность автора проявляется даже в выборе традиционного символа. А. Радзивилловский, например, использует редкоупотребляемые символы: Иисус Христос — кокош (курица), (Матфей, 23, 37); — лилия (Песнь Песней, 2).

Свободное обращение со словом, внимание уже не столько к символическому, сколько к прямому значению, стремление объяснить выбор слова-символа не через Библию, а через естественные связи предметов и явлений — все это вело к разрушению символического единства слова.

Часто выделенный признак был настолько незначительным, что сопоставление на его основе выглядит весьма натянутым. Например, белые ризы Иисуса Христа в Слове на Преображение *Ризы его быша белее снега* указывают на краткость человеческой жизни, потому что снег быстро тает. Акцент не на таких характерных признаках, как *сияние*, *блеск*, *чистота* как атрибуты Бога, а на второстепенном.

На основе выделенных признаков автор проводит сопоставление реального и переносного планов. Отношение между миром видимым и невидимым изменены: за словом уже не стоит тайный «духовный» смысл, а, наоборот, символическое значение объясняется реальными качествами предмета.

Для Галятковского и Радзивиловского образ имел прежде всего художественную ценность. Они шли дальше традиционного символа и создавали оригинальные авторские метафоры. Итак, проповедник становился писателем, а проповедь — искусством. Внешняя красота форм часто разрушала красоту внутреннюю.

сборника «Житие Августина», «иные словеса» и «Сказание о явлениях Августину». В списках «Жития Августина» нами обнаружены две русские вставки, восходящие к общему протографу [Чуд-216: 6–6 об.; 35 об.; Рог-168: 254 об.–255, 298 об.–299]. Обе они представляют собой маргиналии, перенесенные позднейшим писцом в текст жития. Одну из них, направленную против стяжателей-иосифлян, по данному языку и содержанию следует атрибутировать Курбскому. Каким-то образом ему удалось вернуть себе книгу.

Единственный сохранившийся полный экземпляр КСА (с двумя вставками в житии) переписал известный библиофил Евфимий Чудовский ок. 1692 г. [Чуд-216]. За несколько лет до этого, в 1687 г., знакомый Евфимия Карион Истомин переработал «О видении Христа», первую часть КСА, в «Боговидную любовь» для царевны Софии. В предисловии Истомин так отозвался о своем источнике: «...обрѣто(х) на бѣлорускомъ писмѣ, славенскимъ діалекто(м) преведену и писанну. юже славенскими буквы написахъ...» [Маз-645: 8 об.]. Работа Истомина над книгой заключалась в ее графическом переводе с «белорусского» письма на московский полуустав, каким (с элементами скорописи) написаны белые списки «Боговидной любви» [Маз-645; Чуд-291]. Свидетельство Истомина о западнорусском антиграфе подтверждают языковые данные.

Переводчик КСА отлично знал церковнославянский и латинский языки. Он прекрасно владел грамматикой церковнославянского глагола, использовал редкие, книжные формы (плюсквамперфект, будущее сложное первое). Он обнаруживает столь же основательное знание латинской глагольной системы, распознает глагольные формы оригинала и, за редкими исключениями, педантически точно передает их. В его переводе сослагательное наклонение в форме 1 л. ед. ч. регулярно образуется традиционным сочетанием причастия с суффиксом *-л-* и аориста *бысть*. Однако в разных списках памятника в одних и тех же местах 5 раз сослагательное наклонение в 1 л. ед. ч. выражено сочетанием «элевого» причастия с формой *бымь*: *могль бымь*, *изляль бымь*, *лаголаль бымь*, *устѣль* и *наслѣдоваль бымь*, *услышалъ*

быль [Чуд-216: 52 об., 129 об., 153 об.]. Такие образования типичны для полонизированной «простой мовы». Они представлены в Грамматике Мелетия Смотрицкого 1619 г., но исключены из ее московского издания 1648 г.

Западнорусский протограф был написан до Поместного собора 1654 г., принявшего решение начать «книжную справу». В сборнике Истомина 5 раз (!) по невнимательности пропущена дониконовская формула *во вѣки вѣко(м)* [Чуд-290: 20 об., 21, 87, 97 об., 102]. В других списках в тех же местах реформированная орфография: *во вѣки вѣковъ*. Формула *во вѣки вѣкомъ* с дат. пад. мн. ч. была употребительна и в Литовской Руси (напр., Острожская Библия 1580—81 гг.), но там же знали и вариант с род. пад. *во вѣки вѣковъ*.

В софийском сборнике конца XVII в. от архетипа уцелела в двух случаях дониконовская форма имени Христа с одним *и*: *исусовѣ, исусе* [Соф-1481: 13, 37]. В других списках здесь вторичные чтения с двумя *и* по новой норме [Чуд-216: 97 об., 134 об.; Чуд-290: 29 об., 67]. В софийский сборник входят произведения (частично автографы) церковных реформаторов: Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского, Сильвестра Медведева, Истомина. В книге, составленной и бытовавшей в кругу таких лиц, написания без титла вроде «*и* имени исусовѣ» да еще в очевидной цитате (*Флп* 2: 10) не могут быть простой случайностью. Грамматика Смотрицкого 1619 г. и «Лексикон славенороссийский» 1627 г. Платон Берында приводят как нормативную форму с двумя *и*.

Отголоском архетипа является старорусское ударение в звательной форме имен *Миха́иле, Рафа́иле*. Такое ударение сохранили автограф Евфимия Чудовского ок. 1692 г. и сборник Истомина конца XVII в. [Чуд-216: 149 об.—150; Чуд-290: 95 об.]. Никоновская «книжная справа» ввела в личных именах на *-ил* югозападнорусское ударение на по-

следнем слоге: *Михаи́ль, Рафаи́ль* (как, напр., в Острожской Библии, Грамматике Смотрицкого 1619 г. и Лексиконе Берында).

Из «Малороссийских дел» известно, что 1652–1653 гг. архидиакон киевского Братского Богоявленского монастыря Михаил перевел в Москве «книгу учителя Августина». «Скрытые» вставки в «Житии Августина», послание Полубенского (списки с 20–30-х гг. XVII в.), «Сказание о явлениях Августину» с упоминанием Максима Грека, некоторые старорусские особенности правописания не позволяют считать КСА переводом Михаила.

До нашего времени не сохранилось ни одного списка КСА или ее частей ранее 80-х гг. XVII в. Эти списки содержат языковые пласты, идущие от западнорусского протографа и великорусского архетипа памятника. Западнорусский протограф был создан до реформы патриарха Никона, восходит к рукописи Курбского 1563–1564 гг. и попал в Москву где-то в 70–80-е гг. XVII в. вместе с другими переводами и сочинениями беглого князя.

Источники

- Маз-645 — «Боговидная любовь» Кариона Истомина. Кон. XVII в. РГАДА, собр. Ф. Ф. Мазурина (ф. 196), оп. 1, № 645.
 Рог-168 — Поморский сборник с «Житием Августина» и «Сказанием о явлениях Августину». Сер. XVIII в. НИОР РГБ, собр. Рогожского кладбища (ф. 247), № 168.
 Соф-1481 — Сборник с «Поучениями» Псевдо-Августина. Кон. XVII в. РНБ, собр. Софийской библиотеки, № 1481.
 Чуд-216 — «Книга святого Августина». Ок. 1692 г. ГИМ, собр. Чудова монастыря, № 216.
 Чуд-290 — Сборник-конволют Кариона Истомина с «Поучениями» Псевдо-Августина. 1687, 1689, 1690 гг., кон. XVII в. Там же, № 290.
 Чуд-291 — «Боговидная любовь» Кариона Истомина. Кон. XVII в. Там же, № 291.

Житие Евфросина Псковского: стиль, язык, цель

М. Э. Косентини

Территаун (США)

macos2@yandex.ru

Житие Евфросина Псковского; древнерусский язык; древнерусская литература; плетение словес

Summary. This paper discusses the language and style of the Vita of Evfrosin of Pskov (Undol'skiy Collection No. 306). It also presents a theory that the true purpose of this Vita was much broader than simply the defense of the practice of singing the alleluia twice.

Нельзя назвать Житие Евфросина Псковского (РГБ, собрание Ундольского, No. 306) типичным примером житийного жанра. Вместо того, чтобы рассказать о жизни и добродетелях Преподобного Евфросина Псковского и приписываемых ему чудесах, автор представляет его как защитника сугубой аллилуйи и описывает спор между Евфросином и его противником, распопом Иовом, защитником трехгубой аллилуйи. Биографические сведения об Евфросине разбросаны в тексте, без определенного порядка, между эпизодами о споре об аллилуйе и это производит впечатление, что автор намеревался привести текст Жития в порядок, но почему-то не успел этого сделать. Житие заканчивается письмом, посланным Евфросином Собору Святой Троицы, которое кажется незаконченным. (В литературе высказывается мнение, что сам автор считал этот текст скорее не житием, а повестью — «Повестью об аллилуйе», что Житие Евфросина было написано им ранее «Повести» и не дошло до нас; см. [2].)

Неизвестно, кем было написано Житие, тем не менее, судя по примерам словесной изысканности и высокого риторического стиля, можно сделать вывод, что Житие (или, по крайней мере, некоторые его части) было написано человеком, хорошо владеющим стилем плетения словес, т. е. эмоционально-экспрессивным стилем, употребляющим «своеобразный словесный орнамент, представляющий собой сочетание однокоренных и созвучных слов, синонимии и ритмики речи, сложного синтаксиса и нагнетания однородных сравнений и эпитетов» [1: 102]. С частями Жития, написанными высоким изысканным стилем, чередуются другие части, написанные более простым стилем. Хотя язык этих частей гораздо проще, они содержат интересный с лингвистической точки зрения материал. Именно в этих частях замечается чрезвычайно интересная сложная глагольная конструкция, которая является отражением диалектной особенности северно-западных русских говоров (она описана в

[3]; в них также встречаются ранние примеры некоторых грамматических форм. Лексика текста также представляет собой большой интерес: некоторые слова употребляются в нетипичных значениях, или просто отсутствуют в словарях древнерусского языка. Стиль и язык Жития описываются в первой части доклада.

Во второй части доклада излагается гипотеза о том, что Житие было написано не только для того, чтобы похвалить Преподобного Евфросина и доказать превосходство сугубой аллилуйи, цель Жития, на самом деле, была более общей. Если единственной целью текста была защита сугубой аллилуйи, то эта цель не была достигнута, ведь в тексте приводятся два разных толкования сугубой аллилуйи (одно предложено Богородицей, другое — Евфросином) и это могло бы вызвать скорее сомнение, чем уверенность в ее превосходстве. Внимательное прочтение текста и учет исторического контекста позволяют сделать предположение, которое кажется вполне правдоподобным, что целью жития была также резкая критика некоторых ересей и пороков того времени и что оно, действительно, было написано по указанию самого резкого их критика, архиепископа Геннадия Новгородского.

Литература

1. Ковалова О. Ф. «Плетение словес» и плетений орнамент конца XIV в.: К вопросу о соотношении // ТОДРЛ. Т. 22. М.; Л.; 1966. С. 101–111.
2. Охотникова В. И. Житие Евфросина Псковского и Повесть об аллилуйи, два произведения неизвестного автора конца XV — начала XVI в. // ТОДРЛ. Т. 53. СПб., 2003. С. 491–501.
3. Швелёва М. Н. Аномальные церковнославянские формы с глаголом *бъти* и их диалектные соответствия: К вопросу о соотношении церковнославянской нормы и диалектной системы // Исследования по славянскому историческому языкознанию; памяти профессора Г. А. Хабургаева. М., 1993. С. 135–155.

«Совокупная» языковая личность автора частно-деловых писем XVIII века

А. В. Косивцова

ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет»

kosivets@mail.ru

История русского языка, частно-деловое письмо, языковая личность, жанр

Summary. The thesis investigates the linguistic and extra-linguistic factors, influencing on forming of language person of a speaker and clerk. The article is written on the material of epistolary texts of 1774–1777 years by Ural industrialist Nikita Akinfievich Demidov, given to us by Demidov institute (t. Ekaterinburg).

Частно-деловые письма XVIII в. составляют весомый пласт скорописного наследия XVIII в. Их составляли приказные служители от имени вышестоящего должностного лица, которое затем подписывало документ. В связи с этим значима проблема восстановления идиостиля языковой личности автора делового документа, в частности, лица, которое подписывает письмо, соглашаясь тем самым с его содержательной и композиционной стороной. Одной из целей анализа является определение факторов, влияющих на формирование «единой» языковой личности в частно-деловых письмах заводчика Никиты Акинфиевича Демидова (1724–1787).

Материалом для исследования послужили скорописные письма Н. А. Демидова в Нижнетагильскую заводскую контору и Петербургскую домовую контору, датированные 1774–1777 гг. Они представляют собой подписанные заводчиком беловики, составленные писцами от имени самого Н. А. Демидова, так как в них вербализировано на лексическом и грамматическом уровнях поле адресанта (личные формы глаголов 1-го лица, личные и притяжательные местоимения *я, меня, мой*). Судя по разному образцу почерков, заводчик имел целую канцелярию писцов; лишь в некоторых из писем фиксируем информационные вставки и синтаксическую правку, приписки, сделанные его рукой.

Формуляр анализируемых писем включает следующие реквизиты: 1) входящий номер документа с отметкой времени его получения, 2) формула адресата, 3) текст, 4) подпись: *Никита деМидовъ* (частицей *де* в начале фамилии заводчик хотел подчеркнуть свою принадлежность к дворянскому сословию), 5) дата, 6) место, 7) отметка о принятии копии в заводское повывье (необязательный реквизит, отмечен в 50 письмах из 197). Первый реквизит написан почерком лица, которое принимало письмо в Нижнетагильской конторе (в некоторых случаях это был приказчик Григорий Белый). Формула адресата и основной текст написан вторым почерком, подпись — почерком Н. А. Демидова, дата и место — третьим почерком, последний реквизит — четвертым почерком.

Разные почерки основного текста и подписи в одном и том же письме позволяют говорить об участии в составлении документа как минимум двух человек: субъекта устной речи (говорящего, т. е. Н. А. Демидова, который, по всей вероятности, диктовал текст, и субъекта письменной речи (исполнителя, пишущего). Вопрос об участии писца в текстопорождении остается открытым. Следовательно, тексты анализируемых писем являются результатом совместной работы пишущего и говорящего, что позволяет нам говорить об «единой» языковой личности в частно-деловом письме.

«Единая» языковая личность в историческом частно-деловом тексте предстает «как соединение двух коммуникативных ролей» [1: 17]: говорящего (автора) и пишущего (исполнителя). Последний, в свою очередь, является адресатом по отношению к первому, поскольку должен адекватно передать на письме устную речь говорящего субъекта. На формирование «совокупной» языковой личности оказывают влияние собственно лингвистические и экстралингвистические факторы.

Участие Н. А. Демидова в текстообразовании как фактического автора писем проявляется: 1) в выборе жанровой формы письма (особенности эпистолярного жанра), которая влияет на свободу степени выражения субъекта речи. Рассматриваемые тексты относятся к распорядительной документации, содержат предписания заводчика приказчикам Нижнетагильской и Петербургской контор относительно решения разных производственных (изготовление, отправка железа), кадровых (определение к должностям обязанностям, характеристика действий, поступков служащих) и денежных (продажа железа, выплата денег по векселям) вопросов. Часть документов определяется как ордер: такое название чаще всего дается в конце текста четвертым почер-

ком: «С сего ордера копия в заводское повывье принята». Сам Н. А. Демидов называет свои письма повелениями: «назначенная имъ... по двѣдѣти копѣекъ со ста пуд плата, столько основателна что я оную апрабую, которую имъ с получения сего моего повѣления и производить» (18 ноября 1774 г.);

2) в выборе предмета речи, обусловленного степенью важности рассматриваемого вопроса;

3) в выборе и реализации в тексте коммуникативных целей, речевых намерений. Текст писем, как правило, состоит из двух частей: казусной, содержащей информацию о получении рапортов и краткого их изложения, и прагматической, включающей распоряжение, повеление заводовладельца. В анализируемых письмах реализуются такие речевые намерения, как сообщение, подтверждение, побуждение, предупреждение, оценка, анализ сложившейся ситуации;

4) в выборе языковых средств, в особенности лексических и синтаксических. Языковые предпочтения говорящего определяются его коммуникативными интенциями. Вербальный отбор говорящим прослеживается в частичной редакторской правке уже составленного текста, исправления носят характер уточнения или добавочного сообщения, например, в письме от 23 мая 1777 г. содержится вставка на левом поле листа и приписка в конце текста с волеизъявлением (выделено курсивом): «естли же онъ окажетца *бесъпьянства* исправень то и при доме содержанъ будетъ. *О чемъ ему с`расталкованиемъ и`объявить дабы онъ из`сего любое выбирать могъ а` бес`того мне и`не`нужень*»;

5) в учете социального статуса адресата и адресанта, отношений между ними. В большинстве писем адресат является коллективным — Нижнетагильская заводская контора, Петербургская домовая контора, в восьми — индивидуальным. В письмах коллективный адресат оформлен прямой номинацией *в Нижнетагильскую мою заводскую контору*, сочетанием указательного местоимения *оной* или прилагательного *означенной* с существительным *конторы*, вводной конструкцией *по мнению оной Нижнетагильской конторы* (2 марта 1777 г.). С индивидуальным адресатом Никиту Акинфиевича, помимо деловых отношений, связывают родственные и дружеские отношения. Он представлен в письмах обращением по имени-отчеству *государь мой Алексей Федорович!* или по должности *священный черей*, а также личными местоимениями и глаголами 2-го лица *ты, вы*.

6) психологический фактор (эмоциональная составляющая) играет важную роль при характеристике говорящего.

Роль пишущего в составлении писем определяется следующими собственно лингвистическими факторами: 1) графико-орфографическим оформлением, что отражается в вариативном характере написания букв и слов, например: написание *а* вместо *о* в словах *кантора, сорок, канфуз / конфуз, камисариат, е* вместо *а* в слове *тритьцеть, -тца* вместо *-тса* (*стараецца, исправитца, присылаютца*);

2) фонетическими признаками: ассимиляция по глухости / звонкости (*зделать, книшка, прозба, збор, производит, х торолму*), произношение фонем <сч>, <зч> как долго мягкого *ш* [ш'] (*щет, прикащик, ращет, щисление*), фонем <ш>, <ч> как долгого твердого *ш* [ш'] (*винтовоишна пороха, лавошному сиделцу, лакировишик*) и др.;

3) морфологическими особенностями, например, варианты окончаний имен прилагательных в формах м. р. род. п. *-аго / -ого (-ово)* (*четвертнаго тонкого железа, никакова известия, от знания людскова*).

Таким образом, изучение «совокупной» языковой личности в частно-деловом письме XVIII в. обусловлено рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, влияющих на воссоздание речевого образа говорящего.

Литература

1. Винокур Т. Г. К характеристике говорящего. Интенция и реакция // Язык и личность. М., 1989. С. 11–23.

Источник Жития Онуфрия Пустынного в *Сборнике* Нила Сорского

Т. П. Лённгрен

Университет г. Тромсё (Норвегия)

tamara.lonnngren@uit.no

Текстология, агиография, история русского языка, определение источника

Summary. Nil Sorsky's Collection contains 24 lives of saints from Ancient East. This paper deals with the determination of the source of one of the lives: the life of Honoufrius the Hermit. A textological analysis reveals that the source was a 15th century manuscript belonging to the Kirillo-Belozersky monastery.

Преподобный Нил Сорский составил, отредактировал и собственноручно переписал трехтомный *Сборник* (далее — СНС) житий святых Древнего Востока. В состав триптиха входит 24 жития. Это не авторские произведения Нила, но поскольку СНС дошел до нас в автографе великого книжника, определение источников этого уникального памятника средневековья может рассматриваться как одна из первостепеннейших задач в изучении литературного наследия духовного отца нестяжателей.

Нил Сорский был постриженником Кириллова монастыря и провел в нем много времени, а монастырской библиотекой пользовался не только во время пребывания в монастыре, но и затворившись в своем скиту на Соре. Документальное подтверждение тому, что сорский затворник продолжал читать книги из Кириллова, содержится в *Завещании*, где Нил просит после его смерти вернуть *Псалтырь* в четверть Игнатъева письма и прочие книги и вещи в Кириллов монастырь (рукописный источник: РГБ, ф. 304.1, ТСЛ, № 188, л. 18 об.—19. Издание: [1]). Поэтому естественной отправной точкой для поиска источников СНС является изучение рукописного наследия Кирилло-Белозерского монастыря. (Для выявления возможных источников важно учитывать не только Кирилловское собрание, но и другие, поскольку, как известно, рукописи, находящиеся в настоящее время в составе одного собрания, пять с лишним веков назад могли находиться в составе другого: например, рукописи Кириллова собрания могли быть в составе Софийского, Волоколамского в составе ТСЛ, и наоборот и т. д.)

Как следует из *Описания рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленного в конце XV в.* [3], в то время, когда Нил мог пользоваться монастырской библиотекой, там были почти все жития, вошедшие в состав СНС: некоторые списки были в одном экземпляре, другие — в нескольких.

В сборнике XV в., названном «(авва) Дорофей» с дополнительными статьями, дошедшем до нас в собрании Кирилло-Белозерского монастыря, К-Б 24 / 1101, на л. 316–343 помещено Житие Онуфрия Пустынного, которое послужило антиграфом этого жития в составе СНС (ГЛМ, РОФ 8354, № 14, л. 96–113 об. Издание: [2]). Как следует из наблюдений над рукописными источниками, это житие было широко известно в Древней Руси, оно часто переписывалось и включалось не только в минеи четьи, но и в многочисленные сборники. Об этом житии написано много и разно: так,

в одном недавнем исследовании Нил был уличен в том, что он «вносит изменения в славянский текст, не считаясь с первичными чтениями», но причина здесь не в самовольном обращении Нила с текстом (он четко следовал антиграфу), а в незнании источников исследователем [4: 74].

До сих пор мною было исследовано более 70 списков Жития Онуфрия Пустынного и выявлено такое чтение: 1) *и не познахомъ въса хлѣвнаго*; 2) *ѡбрѣтъ камень просажень ѡкоже ровъ*. И только в указанном источнике, К-Б 24 / 1101 на л. 332 читается: *и не познахомъ въса грѣховнаго*, а на л. 333 читается: *ѡбрѣтъ камень просажень ѡко жерновъ*. Точно такое же прочтение находится в СНС, ГЛМ, РОФ 8354, № 14, л. 107*: *ѡбрѣтъ камень просажень ѡко жерновъ*, а на л. 111 читается: *и не познахомъ въса грѣховнаго*. Такое же прочтение было унаследовано всеми известными списками, восходящими к СНС.

Кроме Жития Онуфрия Пустынного, в названной рукописи есть и другие сочинения, представляющие большой интерес для выявления источников, использованных сорским подвижником на его литературном поприще. Так, например, помещенные в К-Б 24 / 1101, л. 276–315 об., беседы Зосимы о ярости находятся и в сборнике «Нил Заволжский», ГИМ, Епарх. 349, л. 110–136, переписанные тоже рукой преподобного.

На сегодняшний день в рукописном собрании Кирилло-Белозерского монастыря отысканы источники не только Жития Онуфрия Пустынного, но и ряда других. Так, например, в рукописи к. XV — н. XVI в., К-Б 16 / 1255, находятся источники трех житий: Симеона Столпника, Харитона, Кириака; в рукописи к. XV в., К-Б 18 / 1257, помещено Житие Феодора Сикеота; в конволюте, К-Б 48 / 1125, на листах, относящихся к XV в., находится три жития: Феодосия, Павла Фивейского, Антония Великого, а в рукописи к. XV — н. XVI в., К-Б 125 / 250, — Житие Иоанна Дамаскина.

Литература

1. Завещание Нила Сорского / Подготовка текста и пер. Г. М. Прохорова // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. СПб, 2005. С. 280–281.
2. Лённгрен Т. П. Сборник Нила Сорского. Ч. I. М., 2000. С. 195–226.
3. Никольский Н. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV в. СПб., 1897.
4. Åkerman Sarkisian K. Житие Онуфрия Пустынного в рукописной традиции средневековой Руси. Уппсала, 2007. С. 74.

О переводе четырех стихир минейного стихираря

М. А. Малыгина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва)

maria-malygina@yandex.ru

История русского и церковнославянского языков, гимнография

Summary. The sticherarion is a single-genre hymnographical collection containing hymns arranged according to the feast calendar of the ecclesiastical year of the Eastern Church. There are a lot of variant readings in different manuscripts. Most of these are caused by unique changes and corruptions in the transmission of the text. The source base are three stichera on the 1st of January and one stichera on the 25th of January. In these stichera variant readings are caused by scribe's linguistic preferences, by differing readings in Greek, but not by changes in the transmission of the text.

Одним из важнейших источников изучения истории русского и церковнославянского языков являются гимнографические памятники, изучению которых в последнее время уделяется все больше внимания. Одним из интереснейших гимнографических сборников является минейный стихирарь — богослужебная книга, содержащая стихиры, расположенные по порядку дней календарного года. Известно

8 древнейших рукописей (XII в.), содержащих текст минейного стихираря. Стихиры, содержащиеся в них, имеют между собой разночтения по спискам, но большая их часть незначительна и обуславливается искажениями текста, появившимися в процессе бытования. Однако есть несколько стихир, разночтения в которых могут быть объяснены только целенаправленным редактированием с использованием

греческого оригинала или разными переводами греческого текста. Доклад посвящен рассмотрению четырех стихир (трех — свт. Василию Великому на 1 января: *Христоса въселивъ въ доуши свои Христѡν εἰσοικισάμενος ἐν τῇ ψυχῇ σου; Мѡроу истѣщено на та благодатьное Мѡρον ἐκμενωθεν ἐπὶ σοὶ τῆς χάριτος; Въ сватительскоу ризоу одѣса Тѣν ἱερατικὴν στολὴν ἀμπεχόμενος* — и одной — свт. Григорию Богослову на 25 января: *Цѣвницю доуховноу ересанъ паговѡв Тѣν λύραν τοῦ Πνεύματος, τὸ τῶν αἰρέσεων θέριστρον* — по четырем спискам минейного стихираря XII в.

(ГИМ, Син. 589, ГИМ, Син. 572, РГАДА, Тип. 152, РНБ, Соф. 384). По текстовым особенностям рассматриваемых стихир эти рукописи распадаются на две неравные группы. К первой относятся три стихираря (Син. 589, Тип. 152, Соф. 384), а ко второй — один (Син. 572). В докладе проводится подробный анализ этих стихир с опорой на греческий оригинал с целью выявления возможных ошибок перевода, закономерных вариантов перевода одного греческого текста либо наличия в исходных греческих текстах лексических или грамматических разночтений.

Минея: типология текстов и список Соф. 203 XII в. из собрания РНБ

Н. А. Нечунаева

Академия МВД Эстонии (Таллинн)

Natalja.Netšunajeva@sisekaitse.ee

Минея, тип рукописи, список, структура текста, состав текста, языковые чтения

Summary. The Menaion has a profound value in the history of Slavic languages. Applying the linguistic-textological methodology to these texts, the author reveals a textological typology in them in addition to specific linguistic variations. Using these characteristics as a basis the author then shows the typological and linguistical identity of Sof. 203 XII c.

Минея в силу своей конфессиональной принадлежности относится к числу самых распространенных текстов на славянском ареале XI–XIV вв. По количеству сохранившихся списков этого периода Минея занимает второе место после Евангелия.

Благодаря современным компьютерным технологиям списки Минеи из малодоступных перешли в разряд хорошо представленных как в печатном виде, так и в Интернете ([6], [2], [1], [3], [7]).

Типологически списки Минеи подразделяются на 3 типа: архаичный, студийский, иерусалимский с подразделением на ранний иерусалимский и классический иерусалимский. В основе классификации лежит текстологическая типология списков — набор памятней и структура службы в соответствии с тем или иным уставом, а также языковые чтения параллельных мест текста. Количество рукописей по типам распределяется неравномерно: это связано с сохранностью списков и распространенностью самого типа текста. Достаточно многочисленны списки второго типа, соответствующие Студийскому уставу и относящиеся к типу гимнографических книг, сложившемуся на Руси во второй половине XI века в результате правки по оригиналу. При всем своем единстве эти списки дают некоторое разнообразие как в текстологии, так и в языковых чтениях.

В кругу минейных списков студийского типа один из самых интересных — список майской Минеи Соф. 203 XII в. из рукописного собрания РНБ. Список не опубликован в печатном варианте, однако его электронная версия находится на сайте [7]. Список также использован в качестве параллельного текста в публикации Путьяиной Минеи [5]. По данным Сводного каталога рукописей XI–XIII вв. хронологически среди майских Минеи списку Соф. 203 предшествует Путьяина Минея XI в., относящаяся к архаичному типу, и список Син. 166 XII в., входящий в круг студийских миней [4].

Список Соф. 203 имеет текстологические особенности, связанные с набором памятней. Специфика календаря списка заключается в том, что он отличается как от календаря Путьяиной Минеи, так и списков студийского типа, совпадающих и ним хронологически. Так, 4 мая служба св. Никите отсутствует в архаичных и студийских списках, отмечается же в иерусалимских списках (но под 28 мая); аналогично 13 мая служба св. Гликерии, кроме Соф. 203, имеется в иерусалимских списках обоих подтипов; 15 мая память св. Пахомию соответствует ее месту в иерусалимском типе. Таким образом, в списке Соф. 203 отмечаются текстологические признаки списков Иерусалимского устава, получившего распространение на Руси с конца XIV — нач. XV в. В оригинале появление списков, соответствующих Иерусалимскому уставу, датируют XII в. Самое раннее следование Иерусалимскому уставу в майских списках Минеи, судя по составу памятней, отражено в списке XII в. Соф. 203.

Структура текста, второй важный текстологический признак, в Соф. 203 полностью совпадает со структурой текста

студийских списков: канон следует после малых песнопений — седальна и стихир. Однако кондак может быть помещен по порядку следования службы после 6 песни канона (24 мая, св. Симон), как это и положено по Иерусалимскому уставу.

Список Соф. 203, имеющий особенности состава, обладает некоторой спецификой в языковых чтениях. Отмечены лексические варианты, отличающие текст Соф. 203 от текста списков всех типов: *силою прѣпоасавъса* (Соф. 203) — *крѣпостию прѣпоасанъ; женихъ краснѣны* (Соф. 203) — *женихъ въбогъпѣнь*

Чтения в Соф. 203 могут совпадать с чтениями в Путьяиной Минеи и отличаться от остальных студийских списков: *прѣта срѣца твоего обрѣ* (Соф. 203, ПМ) — *чистаго сръдѣца твоего славыне* (студийский тип). В таком совпадении чтений отражается момент стабилизации текста Соф. 203 по тексту-предшественнику, зафиксированному в Путьяиной Минеи. Студийские же списки имеют какой-то другой образец, на который и ориентируются. Вариант в остальных студийских списках появляется при справе и дает стабилизацию уже по тексту-оригиналу. Вариативные чтения в Соф. 203 отражают некоторые тенденции, обычно связанные с иерусалимскими списками, например, реставрацию грецизмов в тексте: *оавель* вместо *мисломъ* и замены немаркированных лексем на лексемы с неполногласием: *глы върны* (Соф. 203) — *глаголы благочъствивыа* (иерусалимский тип). Новые ориентиры в тексте, обычно связанные со вторым южнославянским влиянием, явно не укладываются в принятые хронологические рамки — с конца XIV в. Список Соф. 203 XII в. свидетельствует о более ранних возможностях проявления этого влияния.

Однако структура текста оказывается более значительным показателем, чем состав: список Соф. 203 как бы ни тяготел по составу то к архаичному типу, то к иерусалимскому, все же относится к спискам студийского типа по расположению песнопений и языковым чтениям, в большинстве случаев соотнесенных с чтениями в типовых студийских списках: *зълѡкъ везаконикъ* (архичный тип) — *злооумникъ* (Соф. 203, студийский тип) — *злооуммысление / злобѣ* (иерусалимский тип)

Список Соф. 203 показывает, что в пределах большого массива однотипных списков возможно существование нестандартного подтипа, особенно в момент начального этапа справы. Аналогичная закономерность проявилась в момент появления древнейших рукописей — Путьяина Минея, старший минейный список, отличается от других списков Минеи по тем же показателям: составу, структуре текста и лингвистическим чтениям.

Литература

1. Древнейший славянский богослужебный сборник «Ильина книга». Факсимильное воспроизведение рукописи. Билинейно-спатическое издание источника с филолого-богословским комментарием / Подготовил Е. М. Верещагин. М., 2006.

- Ильина книга. Рукопись РГАДА. Тип. 131 / Лингвистическое издание, Подготовка греческого текста, комментарии, словоуказатели В. Б. Крысько. М., 2005.
- Минья Дубровского. Das Dubrovskij-Menäum. Edition der Handschrift F. p. I 36 (RNB) besorgt und kommentiert von M. F. Mur'janov, herausgegeben von Hans Rothe. Opladen; Wiesbaden, 1999.
- Нечунаева Н. А. Минья: история текста и списков XI–XIV вв. // Славянское языкознание: покидая XX век. К XIV Международному съезду славистов (Охрид, 10–16.09.2008). Tartu, 2008.
- Путятин Минья на май / Подготовка текста и параллели М. Ф. Мурьянова; ред., пред. и комм. А. Б. Страхова // Palaeoslavica VI–VIII, Cambridge «Palaeoslavica». Massachusetts, 1998–2000.
- Путятин минья. Текст, исследования, указатели / Издание подготовили В. Баранов, В. Марков. Ижевск, 2003.
- http://manuscripts.ru. Портал «Манускрипт». Лаборатория по автоматизации филологических работ Удмуртского государственного университета, 2004–2010; кафедра лингвистики Ижевского государственного технического университета. 2005–2010.

Апостол с толкованиями в древнерусской и южнославянской традиции до XVI столетия

Т. В. Пентковская

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

pentkovskaia@gmail.com

Апостол с толкованиями, перевод, редакция, калькирование, лексические русизмы

Summary. The paper deals with the comparative study of the different Slavonic translations of the Apostle with commentaries.

Первый перевод Апостола с толкованиями (далее — ТА) включает в себя текст Павловых и Соборных посланий с толкованиями Никиты Ираклийского и Иоанна Златоуста. Существует предположение о том, что он выполнен в Древней Руси в XII–XIII вв. Оно основано на близости этого текста к первому переводу Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского (ТЕ) и на наличии в нем некоторых лексических русизмов [1: 179–180]. Имеется также гипотеза о выполнении этого перевода ТА в период 1 Болгарского царства [3: 101]. О наличии перевода ТА на славянском юге в ранний период свидетельствует болгарская рукопись из монастыря Каракаллу Слав. № 1 нач. XIII в., с глаголическими вкраплениями, в которой начальная часть 1 Тим. (стихи 1–4) сопровождается толкованиями (л. 142–142 об.).

Второй перевод ТА выполнен в Болгарии и относится ко времени правления царя Ивана-Александра. Он представлен в нескольких рукописях различного происхождения и содержит Деяния и Послания апостолов с толкованиями [1: 188]; [3: 506, 557]. В этом переводе отсутствуют характерные для первого лексические приметы, в частности, прямая речь и цитаты вводятся стандартной формой *рече*, а не *въща*, которая объединяет группу ранних толковых переводов [1: 179].

Для определения места этого перевода в славянской книжности необходимым представляется определить его отношение к существовавшим к моменту его создания богослужебным редакциям Апостола. Так, отношение этого перевода к афонской редакции Апостола представляется неоднозначным. Выделяется часть чтений, совпадающих с афонской редакцией, например, *τὸ ἱερόν* передается как *святнище*, причем та же лексема употребляется и в Чудовской редакции Нового Завета (ЧРНЗ). В других случаях чтение ТА следует древнему тексту. Например, в Деян. 8:27, 36, 37, 38 лексема *ἐβουόησεν* переводится как *каженникъ*. При этом в афонской редакции и в ЧРНЗ находится грецизм *εὐνοῦχῃ* [6: 491–492].

Во втором переводе ТА засвидетельствована также группа особых чтений. Так, в Деян. 6:1 выражение *ἐν τῇ διακοίᾳ* переводится как *въ служеніе катадневное* (л. 48), то же и в толкованиях к данному стиху *катадневно ли въ служеніе вдовцамъ* (л. 48). Лексема *катадневный* ‘ежедневный’ является южнославянским регионализмом и хорошо известна в ряде источников данного периода. Так, она употребляется во втором переводе Жития Андрея Юродивого XIV в., в Скитском уставе, возникшем у южных славян в начале XIV в. [5: 64]; [2: 31]. Наречие *катадневно* ‘каждодневно, повседневно’ зафиксировано во втором сербском переводе Иерусалимского Типикона 1331 г. [4: 324].

В ряде случаев второй перевод ТА предпочитает использование калек употреблению прямых заимствований. Например, выражение *ὁ σφραγισθεὶς τοῦ ἱεροῦ* везде переводится как *воєвода святнищюу; ἐν τῇ Μεσοποταμίᾳ* (Деян. 7:2) калькируется как *въ междоръчїе*. В подобных перево-

дческих решениях проявляется общий для евфимиевской sprawy принцип калькирования определенных лексических единиц [3: 571–572].

Следует отметить, что в некоторых случаях переводческое решение болгарского перевода ТА сходно с ЧРНЗ. Так, в обоих памятниках употребляется лексема *сърдство* — *συγγένεια* (Деян. 7:14), а также калькируются другие образования с приставкой *συν-*. Это вызвано общими принципами sprawy, направленной на калькирование морфемной структуры греческого слова.

Данный материал показывает, что второй славянский перевод ТА является результатом перевода-редактуры, при котором учитываются чтения как правленной (афонской) редакции, так и чтения предшествующих редакций. Индивидуальные варианты перевода часто направлены на более точное отражение оригинала и следуют общей практике переводов XIV в.

Рассмотрим взаимоотношения двух переводов ТА и некоторых близких по жанру переводных текстов, обращавшихся в русской и (частично) в южнославянской традиции. Если совпадения между первым переводом ТА и первым переводом ТЕ весьма существенны (это и употребление некоторых специфических лексических единиц, в том числе общих русизмов), то сходство между вторым переводом ТА и вторым переводом ТЕ, как представляется, не выходит за пределы явлений, свойственных церковнославянской норме XIV в. (например, в обоих текстах употребляется *рече* для введения прямой речи и цитат). В то же время некоторые специфические для второго перевода ТЕ признаки не находят отражения во втором переводе ТА (например, *ἡ περιστερά* переводится в ТЕ как *гольвица*, с калькированием родовой характеристики греческого слова, а в ТА, как обычно, *гольвь*). Установлено, что первый перевод ТЕ и ТА оказал значительное влияние на ЧРНЗ, а второй перевод ТЕ использовал Максим Грек [1: 202]. В позднейший период второй перевод ТЕ и ТА послужил основой для исправления Нового Завета, предпринятого группой книжников во главе с Епифанием Славинецким.

Литература

- Алексеев А. А. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.
- Белякова Е. В. Славянская редакция Скитского устава // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2002. № 4 (10). С. 28–36.
- История на българската средновековна литература / Съставител А. Милтенова. София, 2008.
- Пентковская Т. В. Сербские переводы Иерусалимского Типикона в XIV в.: особенности языка и переводческой техники // Манастир Баньска и доба краља Милутина. Ниш; Косовска Митровица; Манастир Баньска, 2007. С. 315–333.
- Тюняева Д. Б. Житие Андрея Юродивого в славянском переводе XIV века: особенности языка и переводческой техники. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2008.
- Христова-Шомова И. Служебният Апостол в славянската ръкописна традиция. София, 2004.

К проблеме интерпретации литургического текста: экзегетирующий перевод в разновременных редакциях славянской Триоди О. В. Чевела

Казанская духовная семинария / Казанское высшее военное командное училище (военный институт)

olga-chevela@mail.ru

Древнеславянский язык, греческий язык, перевод, герменевтика, экзегетика

Summary. The problem of using methods of hermeneutics when studying and interpreting anthemographic works is considered in this paper. The author studies universal principles of conversion of starting formulas, special features of translation of byzantine hymnographics in ancient Slavonic languages basig on ancient Slavonic manuscripts. It is motivated a value of the «primary» text for the interpretation of the original and for the analysis of the alternative versions in Slavonic translations.

Герменевтический «поворот» в области филологии обусловил определенную переориентацию в научных исследованиях: со сбора и описания эмпирического материала — к анализу Текста и Слова в тексте. Внутренняя форма слова *textus* восходит к *texere* ‘плести’. С древним представлением о *нити*, *сплетаемой в ткань текста*, связан и литургический (изначально — мистериальный) термин *ᾠμός* ‘гимн’ (от *ὑφαίνειν* ‘плести, ткать’). Позднее с понятием о тексте-образце соотносится внутренняя форма другого литургического термина — *εἶρημός* ‘ирмос’ (от *εἶρω* ‘сплетаю’; ‘говору’). Это исходное представление положено и в основу концепции интертекстуальности. «Каждый *текст* представляет собой новую *ткань*, *сотканную* из старых цитат; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях: тексты предшествующей культуры и окружающей культуры» (Р. Барт).

Используя в качестве основы для своих произведений текст Священного Писания, опосредованный патристической мыслью, византийские гимнографы облекали его в изысканную поэтическую форму. Развертывание Слова в пространстве и времени сопровождалось переходом от прямых цитат к перифразам и аллюзиям, от псалмов и «припевов» к ним — к самостоятельным песнопениям, а затем к увеличению «иных» и «подобных». Текст гимнов предстает как многомерное пространство, сотканное из элементов, связанных между собой структурными отношениями и восходящих к более ранним источникам. Совокупность литургических текстов, а также их архи- и прототекстов образует единый гипертекст, где часть уясняется на основе целого.

Неисчерпаемость смысла исходных формул и их инобытие в литургических текстах приводит к развитию широкой вариативности. Лексическое варьирование воплощает основную проблему герменевтики — множественность выражения Единого в процессе его исторического развертывания. На выбор переводчика оказывали влияние «параллельные места» и библейские аллюзии, в соответствии с которыми он старался воспроизвести и литургический текст. Лексические варианты, входящие в эту группу, несут информацию о богословской компетенции переводчика, его знании Священного Писания и Предания, предпочтениях догматического характера.

Феномен перевода можно сформулировать следующим образом: перевод — всегда интерпретация, и в строгом смысле — всегда «искажение» исходного смысла. С двуединым процессом понимания и интерпретации связан *экзегетирующий* перевод, сложившийся уже в ранних редакциях славянской Триоди. Привлекаемые дофонские списки представлены рукописями XII–XIV вв. гимновской (Гим) редакции (Вол. 241, Тип. 138). Перевод афонской редакции (Аф) представлен рукописью XV в (КТ) из фондов ОРРК Научной библиотеки КГУ (№ 4633).

Ряд примеров экзегетирующего перевода опосредован влиянием *типологической экзегезы*. Понятие *типа* (τύπος) как «образа будущего» впервые вводит апостол Павел, провозводя типологическую параллель между Ветхим и Новым Адамом:

ἀλλ' ἔβασιλεύσεν ὁ θάνατος ἀπὸ Ἀδὰμ μέχρι Μωϋσέως καὶ ἐπὶ τοὺς μὴ ἁμαρτήσαντας ἐπὶ τῷ ὁμοιώματι τῆς παραβάσεως Ἀδὰμ, ὃς ἐστὶ τύπος τοῦ μέλλοντος [Рим. 5: 9].

В *трипеснице на Великий вторник* Андрея Критского встречается нестандартный перевод греческого *φθόρα* ‘па-

губа, уничтожение, истребление’; ‘гибель, порча’ (в других случаях — *τλνῆε, тла*) соответствием *ποτοπῆ*, тогда как в доафонских списках стоит ожидаемое *тлаа*:

напраснаго ского пришестина *χῆς* · *καλαα* *ρεῖ* *νοεκου* *ινηгда* · *νεчаемоу* · *тла* · *накеденоу* · *земла*. [Тип. 19 об.] // *Еже при нон дрекле ненадежднаи ПОТОПА НАВЕСТИ* *земли* [КТ 78] — *τὸ ἄθρὸν τῆς αὐτοῦ, παρουσίας ὁ Χριστός, δηλῶν εἰρήκει, τὴν τοῦ Νωε ποτὲ, ἀπροδοκίητον φθόραν, ἐπενεχθεῖσαν τῇ γῇ*.

Обычно слав. *ποτοпῆ* передает греческое *κατάκλυσις*, встречающееся в НЗ в связи с упоминанием о Великом Потопе. Небанальное переводческое решение проясняет библейский затекст. Формула *навести потоп* встречается в послании Петра: *κατακλυσμὸν κόσμου ἀσεβῶν ἐπάξας* [2 Пет. 2: 5], в каноне ему соответствует абстрагированное выражение *φθόραν ἐπενεχθεῖσαν* ‘наведенная погибель’. Таким образом становится прозрачной «эсхатологическая типология», где Ноев ковчег рассматривается как префигурация Второго Пришествия [Мф. 24: 37; 2 Пет. 2: 5], осмысливаясь в контексте грядущего Суда над миром в соответствии с типическим значением Ветхого и Нового Завета.

Экзегетирующий перевод может пренебречь и грамматикой оригинала:

иже страха ради твоего гн · прилхω^м *кх* *чрек·к* *пррчскы* · *и родилхω^м* *на земли* · *αχχ* *επισна* [КТ 683] (1 кан. Пят.) — *τὸ διὰ τὸν φόβον σου ληφθὲν Κύριε, ἐν γαστρὶ τῶν προφητῶν, καὶ κληθὲν ἐπὶ τῆς γῆς πνεῦμα σωτηρίας*.

Славянский перевод приближен к исходному фрагменту из Исаяи, где использованы финитные формы аориста:

διὰ τὸν φόβον σου Κύριε, ἐν γαστρὶ ἐλάβομεν *καὶ (ὠδινύσαμεν) καὶ ἐτέκομεν* *πνεῦμα σωτηρίας (ἐποίησαμεν) ἐπὶ τῆς γῆς* [Ис 26: 17–18].

Выражение первого ветхозаветного евангелиста символически указывает на Святого Духа. Интерпретация ветхозаветного чтения дана Иосифом Волоцким: «Итак, это семя, которое есть страх Господень, и страдали, то есть потрудились, и родили дух спасения, то есть Дух Святой, и этим Святым Духом породили множество чад духовных» (Слово 11).

Ряд трансформаций, внесенных по доктринальным соображениям, можно уподобить развертыванию Символа Веры. Входящие в эту группу варианты несут информацию о богословской компетенции переводчика.

Выводы: Триодь следует рассматривать как единый текст, который складывался на протяжении веков, испытывая многочисленные правки и кодификации. Ряд различий между редакциями объясняется богословским толкованием текста. Сложившийся уже в ранних славянских переводах прием «выравнивания» по исходному библейскому тексту еще не носит систематического характера. Программный характер экзегетирующий перевод приобретает только в ходе литургической реформы XIX века.

Источники

1. Триодь Цветная XII в. — РГАДА, ф. 381, № 138, рус., 181 л.
2. Триодь Цветная XV в. — НБЛ, ОРРК, № 4633, рус 4^о, 429 л.
3. Πεντηκοστάριον ἐ Βενέτια, ἐκ τοῦ ἐλληνικοῦ τυπογραφείου ὁ Φοίνιξ, 1884.

Лексическое варьирование в русских списках Стишного Пролога (на материале оригинальных майских чтений)

О. Г. Щеглова

Новосибирский государственный университет

polina_200@list.ru

Стишной Пролог, лингвотекстология, лексическое варьирование, история русского языка

Summary. In this paper, based on lingvotekstological method investigated lexical variation in Russian copies of Stishnoi Prolog, was common in Russia for four centuries. The study of lexical variation in Stishnoi Prolog allows to describe the lexical-semantic system of Old-Russian language.

Большое значение для истории русского литературного языка и, в частности, для истории его словарного состава имеет изучение языка памятников церковнославянской письменности.

Памятники церковнославянской письменности постоянного состава представляют важный источник по истории русского языка, так как в процессе своего бытования на Руси они сотни раз переписывались. При переписывании церковнославянских книг древнерусский книжник невольно или сознательно изменял написание оригинала, в результате чего в многочисленных списках одного и того же памятника мы встречаем огромное количество различающихся написаний. Изучая язык многих списков памятника, можно локализовать определенные языковые явления по времени и месту их употребления, выявить наличие синонимов и лексических вариантов в текстах памятника, выявить новые слова и новые значения, исследовать стилистические функции синонимов.

Исследования подобного рода проводятся на основе лингвотекстологического метода, разработанного Л. П. Жуковской, которая в течение многих лет изучала состав и язык памятников письменности традиционного содержания, в частности Евангелия.

В данной работе на основе лингвотекстологического метода исследуется лексическая вариативность в русских списках Стишного Пролога, бытовавшего на Руси в течение четырех веков (с XIV по XVII в.). По нашему мнению, исследование лексической вариативности в Стишном Прологе может способствовать выявлению закономерностей в истории лексической системы русского языка, поскольку «в отдельном памятнике отражаются процессы, свойственные языку в целом» [1].

Анализируя лексическую вариантность в русских списках Стишного Пролога, мы разграничиваем собственно синонимическое варьирование, т. е. варьирование разнокорневых слов и варьирование в границах одного и того же корня. В связи с этим в нашей работе выделяются синонимы и вариантные замены, т. е. замены однокоренных слов, нахо-

дящихся в отношениях лексического тождества и различающихся формой выражения. Среди последних мы выделяем лексико-фонематические (трапеза — трапеза, ѿплыти — ѿплыти), лексико-морфологические (мноплеменникъ — мноплеменный, пачти — оупачти) и лексико-словообразовательные варианты (пачтырь — пачтырь, чадо — чаде, бредѣ — побредѣ).

Анализ нашего материала показал, что в текстах Стишного Пролога можно выделить три группы синонимов: лексические синонимы (претавитисѧ — оумрети, сътворити — соделаити), функциональные синонимы (божій — сълчтый) и контекстуальные синонимы (пожити — потрѣжитисѧ, хотеніе — изволити).

Появление лексических вариантов в списках Стишного Пролога может быть обусловлено внеязыковыми и собственно языковыми причинами. С одной стороны, лексические варианты во многом являются результатом бытования Стишного Пролога на той или иной территории Древней Руси в какой-либо период. С другой стороны, явление вариантности можно рассматривать как внутреннее свойство церковнославянского языка, поскольку вариантность — наиболее общая лингвистическая категория. Следовательно, вариантность могла быть изначально присуща церковнославянскому языку и, соответственно, является не только выражением индивидуальных особенностей переписчика рукописи, но, в первую очередь, фактом языка определенного периода, основывающимся на системных связях лексических единиц данного периода.

Изучение лексической вариативности в Стишном Прологе, выяснение семантической основы и причин варьирования, выявление изменений семантической структуры многозначных слов позволяет установить системные отношения в лексике среднерусского периода, описать лексико-семантическую систему русского языка.

Литература

- 1 Камчатнов А. М. Лексическая вариативность и лексические значения // Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 121–129.